

Ученіе Гегеля о свободной волѣ.

I.

Свобода.

Философское ученіе Гегеля, взятое въ цѣломъ, можетъ быть изображено, какъ *ученіе о Божіей свободѣ*, ибо къ этому содержанію дѣйствительно сводится все, что онъ видѣлъ и чему онъ училъ. Его философія пытается адекватно раскрыть *сущность* Божію — и устанавливаетъ, что эта сущность въ *свободѣ*; она пытается изобразить *путь* Божіей жизни, — и обнаруживаетъ, что этотъ путь есть *самоосвобожденіе*; она стремится постигнуть *смыслъ человеческой жизни* и утверждаетъ, что человекъ и его духъ, его дѣла, его нравственность, его исторія и его смерть — все это образуетъ лишь высшій этапъ *самоосвобожденія Божія*. Свобода есть первое и послѣднее; исходъ всего и увѣнчаніе. Свобода есть *essentiale* Божества и критерій реальности; все *черезъ нее* и *ради нея*. Въ чемъ же ея природа?

Малѣйшая неясность и недоговоренность въ опредѣленіи „свободы“ оказывается пагубной для вѣрнаго пониманія философіи Гегеля. Терминомъ „свободы“ такъ часто пользовались и злоупотребляли въ исторіи мысли, съ нимъ связывали столь различныя значенія, его столько разъ дѣлали лозунгомъ въ практической борьбѣ, что *разумное содержаніе*, скрывающееся за нимъ, кажется совершенно исчезнувшимъ и уступившимъ свое мѣсто аффективно переживаемой не-

опредѣленности. Такъ было уже въ эпоху Гегеля; и нужна была вся сила его интуитивнаго видѣнія для того, чтобы возродить положительное, разумное содержаніе этого термина.

Сущность Божія—въ свободѣ, ибо свобода есть *самоопредѣленіе*. Богъ есть субстанція, единая и единственная реальность. Если бы, помимо Бога, была еще иная субстанція, то каждая изъ двухъ субстанцій *ограничивала и опредѣляла* бы другую однимъ своимъ бытіемъ; это значить, что каждая была бы опредѣлена другою и, тѣмъ самымъ, *не была бы субстанціей*; ибо субстанція есть бытіе, *ничѣмъ инымъ не опредѣленное и не обусловленное*. Субстанція есть реальность, не имѣющая *никакого инобытія* и потому всецѣло обращенная на себя и опредѣляющая себя самостоятельно. *Центростремительная самодѣятельность и самостоятельность, творческое одиночество*—вотъ основной признакъ субстанціи. Но именно это и означаетъ, что *свобода* есть сущность субстанціи.

Субстанція свободна, во-первыхъ, въ *отрицательномъ* смыслѣ. Ибо она ничѣмъ инымъ не ограничена и не опредѣлена; она не имѣетъ конца и границы; она есть все и въ этомъ она подобна „безпредѣльному“ Анаксимандра ¹⁾. Она обладаетъ „отрицательной безконечностью“.

Субстанція свободна, во-вторыхъ, въ *положительномъ* смыслѣ. Ибо она есть *творчество*; она есть жизнь, дѣятельность, активность, обращенная всецѣло на себя; то, что она творить, есть не что нибудь „иное“, но она сама. Она есть сама субъектъ и сама свой объектъ; ея „начало“ совпадаетъ съ ея „концомъ“: она есть творческая „положительная“ безконечность.

Итакъ, свобода субстанціи въ томъ, что она есть *творческое самоопредѣленіе*. Въ этой самодѣятельности, обращенная всецѣло на себя, она свободно, на *внутреннихъ* путяхъ и по *внутреннимъ* цѣлямъ, осуществляетъ свою сущность. Ея путь

¹⁾ Сrv. Log. I, 148. Enc. I, 14. Enc. III, 291.

ведеть ее черезъ *діалектическое распаденіе и органическое возсоединеніе* къ сращенному, конкретному богатству опредѣлений. По этому закону и въ этой формѣ осуществляется ея разумная сущность.

Субстанція есть *разумная стихія, стихія мысли*: она есть *діалектически-органически мыслящее себя объективное Понятіе* ¹⁾. Каждый актъ ея есть актъ свободного самоопредѣленія, актъ свободы. Понятіе свободно дѣлитъ свое содержаніе и свободно сращиваетъ его вновь, обогащаясь. Понятіе есть *смысловой организмъ, самъ себя творящій мыслью*. Именно въ этомъ значеніи оно есть *Божество*: свободный отъ инобытія организмъ мысли, или, что то же, *объективный смыслъ, какъ свободный субъектъ* ²⁾.

Естественно, что свобода, въ качествѣ закона Божественной жизни, является *внутренней необходимостью* для Понятія: Понятію свойственно развиваться по закону *абсолютнаго организма*, который отличается отъ релятивнаго, конечнаго организма именно тѣмъ, что *совсѣмъ не имѣетъ инобытія*. Поэтому свобода Божія можетъ быть адекватно выражена, какъ *абсолютная органичность*.

Понятно, что всякое ограниченіе и умаленіе превращаетъ субстанцію въ *несвободное* начало. Появленіе инобытія, хотя бы созданнаго самимъ Понятіемъ, ставитъ его въ положеніе обусловленное и конечное. Свобода Божія не можетъ быть ни „противопоставлена“ ³⁾ чему-нибудь, ни „обусловлена“ ⁴⁾, ни „ограничена“ ⁵⁾; если это случится, то Понятіе потеряетъ *абсолютность* своей свободы и *абсолютность* своего органическаго развитія. Это значитъ, что *Божество утратитъ свою свободу*.

И вотъ, Понятіе, достигнувъ въ „Логикѣ начала“ состоянія „абсолютной Идеи“, *свободно отпускаетъ себя въ несвобод-*

¹⁾ Срав. Log. III, 318.

²⁾ Срав. Log. II, 243.

³⁾ Diff. 221.

⁴⁾ Diff. 221.

⁵⁾ W. Beh. 367.

ное состояніе. Это не значитъ, что оно *совсѣмъ* искажаетъ свою *внутреннюю природу*; нѣтъ, но *способъ его бытія* искажается въ корнѣ. Понятіе утрачиваетъ чистоту и разумность своей атмосферы; „объективное“, пользуясь попущеніемъ, возстаетъ, преодолагаетъ, начинаетъ жить на свой страхъ и празднуетъ начало своей самобытности; „субъективное“ опускается до состоянія слабаго, „внутренняго“ мерцанія въ глубинѣ вещей и пріемлетъ до конца послѣдствія своего свободнаго паденія.

Слагается антиномія: съ одной стороны, ограниченная свобода *не* есть свобода, и *несвободная субстанція не* есть субстанція; съ другой стороны, субстанція *не* можетъ перестать быть субстанціей и, слѣдовательно, *ограниченная свобода должна остаться свободою.* Эта антиномія разрѣшается посредствомъ различенія между „отрицательной“ свободой и „положительной“ свободой. Понятіе утратило первую, но сохранило вторую и поставило передъ собою задачу *возстановить первую черезъ раскрытіе и осуществленіе второй.* Въ этомъ краткая схема всей философіи Гегеля.

Итакъ, Понятіе утратило отрицательную свободу: его спекулятивное безсиліе обнаружило воочію, что оно *не* есть все, что оно имѣетъ дѣло съ *инобытіемъ.* Въ подлинной косности чувственной стихіи, въ недвусмысленномъ противодѣйствіи ирраціональнаго начала, въ самобытномъ упорѣ „конкретнаго-эмпирическаго“ Понятіе встрѣтилось съ инобытіемъ, облекшимъ его такъ, какъ „внѣшнее“ облекаетъ „внутреннее“. Отсюда его ограниченность, конечность, обусловленность и противопоставленность.

Однако Понятіе сохранило положительную свободу: силу творческаго самоопредѣленія, открывающую передъ нимъ перспективу восхожденія. Эта сила, поскольку она скована съ инобытіемъ, не способна даже къ подобію органической жизни на *низшихъ* ступеняхъ міра; но она хранитъ въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, всѣ свои высшія способности; она есть *въ потенціи* — организмъ, душа, сознаніе, воля, созерцаніе и мысль. Потенціальное могущество спе-

кулятивной стихіи выражается въ томъ, что она продолжаетъ въ мірѣ свою діалектически-органическую „спекулятивную метаморфозу“ самообогащенія, *несмотря* на бремя инобытія, и притомъ постольку, *поскольку* ей удается возобладать надъ неразумной самобытностью „врага“. Это-то спекулятивная метаморфоза и превращаетъ міръ въ творческое самоосвобожденіе, совершаемое Божествомъ.

Все это означаетъ, что *въ мірѣ субстанція не свободна, но сохраняетъ силу для того, чтобы освободить себя*. Это и не можетъ быть иначе, потому что субстанція — *духовна*, а духъ есть не что иное, какъ „абсолютная свобода“. ¹⁾ И если онъ повергаетъ себя въ ограниченное состояніе, то именно ради высшаго самоосвобожденія. Поэтому „несвобода въ мірѣ“ есть только проявленіе глубочайшей свободы Божества, той свободы, которая *не страшится* „несвободнаго“ состоянія, но *пріемлетъ* его и изживаетъ, *утверждая этимъ глубину своей свободы* и пріобрѣтая въ этомъ *высшую полноту освобожденія*.

Это можно выразить такъ, что *свобода есть процессъ въ Бо-гѣ*. Каждый образъ міра *уже свободенъ и все еще не свободенъ*; онъ есть бóльшая свобода по сравненію съ низшей ступеню и мѣньшая свобода по сравненію съ высшей ступеню. Каждый образъ міра, взятый статически, самъ по себѣ, — не имѣетъ абсолютной свободы; но въ ряду міровыхъ образовъ онъ есть *становящаяся* абсолютная свобода. Весь рядъ міровыхъ образованій созданъ субстанціей, возста-вливающей свое субстанціальное значеніе. Свобода есть какъ бы утраченный и возвращаемый рай; но этотъ рай утраченъ былъ свободно, т.-е. по чисто-внутренней необходимости, и возвращается въ свободномъ же бореніи, т.-е. по внутреннему закону самоопредѣленія и органическаго роста.

Такимъ образомъ *всѣ „образы дѣйствительности“*, не говоря уже о „явленіяхъ“, *лишены* спекулятивной свободы и являютъ только *борьбу* Понятія за самоосвобожденіе.

¹⁾ Phän. 442. Срв. Епс. III, 427. Ph. G, 20, 21.

Этимъ и опредѣляется *смыслъ человѣческой жизни*. Каждое отдѣльное состояніе человѣка, взятое само по себѣ, есть обломокъ дѣйствительности, представляющій изъ себя болѣе или менѣе высокій „міровой образъ“. Высота этого образа опредѣляется тою *степенью освобожденности*, которая въ немъ обнаруживается, или, вѣрнѣе, которую духъ осуществляетъ въ себѣ и собою.

Смыслъ человѣческой жизни въ *свободѣ и самоосвобожденіи*. Понятно, что этотъ смыслъ жизни не слѣдуетъ представлять себѣ, какъ нѣкое внѣшнее заданіе, или норму, или неосуществимый идеаль. Свободу можно дѣйствительно разсматривать, какъ идеаль, но какъ уже реальный и *все еще реализующійся* идеаль. *Свобода есть потенціально-совершенная сила, творящая актуальное раскрытіе своего совершенства*.

Это можно выразить такъ, что *смыслъ человѣческой жизни* скрытъ въ глубинѣ человѣческаго духа, какъ *реальное духовное начало, работающее надъ своимъ осуществленіемъ*. То, что „задано“ человѣку, то, что составляетъ его назначеніе и предназначеніе, — „задано“ ему его истинною, внутреннею сущностью, „предназначено“ ему его подлинною, духовною природою. Ему „задано“ самоосвобожденіе; но не въ томъ смыслѣ, что „сущность“ его погрязаетъ въ несвободѣ, а въ томъ смыслѣ, что реальная сущность его и есть не что иное, какъ самоосвобождающаяся сила. Ему „предназначена“ абсолютная свобода; и это слѣдуетъ понимать такъ, что *его истинное духовное существо* есть не что иное, какъ *сама субстанція, сама абсолютная свобода, возстановляющая себя въ творческомъ бореніи*.

Здѣсь, какъ нигдѣ, Гегель можетъ и долженъ быть понятъ изъ глубины ученія Фихте Старшаго. По Гегелю, духъ, творящій свое освобожденіе въ человѣкѣ, подобенъ тому „абсолютному Я“, которое по ученію Фихте силою своею гарантируетъ „относительному, малому я“ человѣка—побѣду надъ „не-я“, надъ инобытіемъ. Назначеніе человѣка Гегель видитъ вмѣстѣ съ Фихте въ творческомъ отождествленіи себя со своимъ абсолютнымъ духовнымъ

средоточіемъ (субстанціей) и въ восхожденіи къ абсолютной свободѣ. Фихте не сразу отрѣшается отъ антропоцентрическаго пониманія субстанціи; онъ говоритъ о свободѣ, какъ безконечно-осуществляемомъ идеалѣ; онъ не знаетъ исчерпывающаго спекулятивнаго ряда образовъ, ученія о верховенствѣ мыслящаго себя Понятія и о діалектически-органическомъ восхожденіи къ конкретному богатству. Но *онтологическій корень* человѣческаго существа Фихте и Гегель понимаютъ одинаково, какъ *духовное самоосвобожденіе*.

Итакъ, смыслъ человѣческой жизни скрытъ, по Гегелю, въ собственной реальной глубинѣ души. То, что творитъ себя, есть субстанція, т.-е. въ потенціи абсолютная свобода; то, какъ она творитъ себя, есть органическое самоутвержденіе, т.-е. свободное творчество; то, къ чему она восходитъ, есть актуальное бытіе абсолютной свободы, т.-е. жизнь не скованнаго инобытіемъ *объективной смысла* (Понятія). И, если принять во вниманіе, что субстанція, творящая свою свободу, есть не что иное, какъ само Понятіе, то можно сказать, что *Понятіе есть смыслъ* *человѣческой жизни*. Высшее достиженіе человѣка, смыслъ его жизни въ томъ, чтобы зажить жизнью божественнаго Смысла; и тогда, когда это достигнуто, человѣкъ убѣждается, что именно Смыслъ есть смыслъ его существованія ¹⁾.

Человѣкъ живетъ для того, что въ немъ живетъ; и онъ живетъ *тою силою, для которой онъ живетъ*. Это означаетъ, что творческая основа его жизни есть сама высшая цѣль его бытія; или, иначе: цѣль человѣческаго бытія осуществляетъ себя сама въ его жизни. *Causa efficiens* совпадаетъ съ *causa finalis*; *ultima ratio* есть не что иное, какъ *primum movens*. *Абсолютное освобождаетъ себя въ процессъ* *душевной и духовной жизни* *человѣка*.

Этотъ процессъ распадается на цѣлый рядъ ступеней и, въ общихъ чертахъ, воспроизводитъ слѣдующую схему.

¹⁾ Гегель самъ даетъ такое истолкованіе свободы, напр., *Enc. III. 374, 355, 292. (Z)*.

„Внутреннее“ наталкивается на что-то „внѣшнее“, извнѣ данное, какъ бы навязанное ему и, съ виду, „чуждое“: на нѣкое „инобытіе“. Это инобытіе имѣетъ видимую самостоятельность и ограничиваетъ „нашедшую“ его внутреннюю силу. Однако *на самомъ дѣлѣ* (an sich) ¹⁾ это „инобытіе“ *совсѣмъ* не чуждо внутреннему, освобождающемуся началу, но представляетъ изъ себя *объективное видоизмѣненіе* той абсолютной Идеи, по отношенію къ которой „внутреннее“ является *субъективнымъ видоизмѣненіемъ*. Объективное и субъективное, или, что то же, „предметъ“ и „самость“, „явленіе“ и „сущность“, „другое“ и „субъектъ“, „внѣшнее“ и „внутреннее“ ²⁾ — суть модусы единой сущности, хотя и не равноправные модусы. Однако „субъектъ“ еще не знаетъ этого — ни объ объектѣ, ни о себѣ; объектъ также не знаетъ этого — ни о себѣ, ни о субъектѣ. Поэтому истинная природа объекта остается *скрытой*; ея разумный корень не осознанъ самимъ собою; онъ разуменъ только „самъ по себѣ“ (pur an sich) ³⁾, но не „для себя“ (für sich). Онъ какъ бы томится въ плѣну собственнаго неразумія. „Субъектъ“, нашедшій его, стоитъ также въ заблужденіи; но „мы“, философовствующіе о „субъектѣ“ и „объектѣ“, знаемъ истинное положеніе дѣлъ и не вдаемся въ обманъ: для насъ (an sich oder für uns) ⁴⁾ объектъ сохраняетъ свою скрытую „объективную“ разумность за видимостью инобытія. И вотъ, „освобожденіе“ состоитъ въ томъ, что эта видимая намъ истина должна разоблачиться: то, что обстоитъ „само по себѣ“, должно стать обстоящимъ и „для себя“ такъ, чтобы истинная сущность вещей явилась *осознанной* субъектомъ,

¹⁾ Таково *первое* значеніе этого термина, столь часто употребляемаго Гегелемъ: „an sich“ значитъ „на самомъ дѣлѣ“, „въ сущности“, „подлинно“. Это значеніе сохранилось отъ Канта.

²⁾ Въ Философій Духа, а иногда и въ другихъ сочиненіяхъ, Гегель нерѣдко пользуется этими терминами promiscue.

³⁾ Таково *второе* значеніе этого термина: „an sich“ значитъ „непосредственно“, „неосознанно“, „не раскрыто для познанія“.

⁴⁾ Таково *третье* значеніе этого термина: „an sich“ значитъ „согласно очевидной для насъ сущности вещей“, или просто — „для насъ“.

адекватно имъ познанной. „Сущее само по себѣ“ станетъ „сущимъ для себя“ и откроется выходъ въ послѣднюю сферу „сущую по-себѣ-и-для-себя“ (an und für sich): въ сферу спекулятивнаго тождества субъекта и объекта, разума и свободы.

Это сближеніе между субъектомъ и объектомъ слѣдуетъ представить себѣ съ полной отчетливостью, ибо въ немъ сущность освобожденія.

„Освободить“ себя значитъ обновить условія своего бытія такъ, чтобы изъ нихъ исчезло всякое инобытіе. Однако „исчезновеніе“ всего „иного“ недостижимо ни на пути ослѣпленнаго отрицанія, ни на пути безслѣднаго уничтоженія. Освобожденіе мыслимо только такъ: инобытіе *пріемлетъ, какъ инобытіе*, затѣмъ усвоивается и наконецъ разоблачается, какъ *мнимое* инобытіе. Разумъ побѣждаетъ неразумную видимость объекта.

Итакъ, субъектъ „пріемлетъ“ инобытіе, не отрекаясь отъ него и не насилуя его ¹⁾; онъ беретъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его „находитъ“ или „получаетъ“, но беретъ съ тѣмъ, „чтобы противопоставить“ его себѣ и затѣмъ „свести его къ опосредствованному единству съ собою“ ²⁾. Такъ „душа“ пріемлетъ свое „тѣло“, „внѣшнія вещи“, свои собственныя безсознательныя „влеченія“, „бытіе другихъ людей“, „хозяйство“ и т. д. Она противопоставляетъ себѣ все это („по очереди“, на разныхъ ступеняхъ восхожденія), какъ нѣчто чуждое, ограничивающее, какъ „предѣль“ ³⁾, и вступаетъ съ этимъ предѣломъ въ борьбу ради преодоленія ⁴⁾.

Субъектъ предоставляетъ объекту вступить въ свою сферу; онъ ставитъ себя *какъ бы* въ пассивное положеніе, *позволяетъ* ограничить себя и опредѣлить, терпитъ воздѣйствіе. Этимъ онъ вводитъ въ себя содержаніе объекта, вработы-

¹⁾ Срв. осужденіе „Entsagung“ и „Gewaltsamkeit“. Enc. III. 231; срв. 236 Z.). 237 (Z.).

²⁾ Enc. III. 236 (Z.).

³⁾ „Schranke“ Enc. III. 150. 293 (Z.).

⁴⁾ „Ringен“ „überwinden“. Enc. III. 293 (Z.).

ваетъ его, вбираетъ его ¹⁾ въ себя и усвоиваетъ его ²⁾. Субъектъ переводитъ данное ему предметное содержаніе на гибкой и могучій языкъ своей „идеальной природы“; онъ „идеализируетъ“ его ³⁾, т.-е. отрицаетъ ⁴⁾ его самобытную реальность ⁵⁾ съ тѣмъ, чтобы сохранить его мощь и его богатство на высшей ступени ⁶⁾. Благодаря этому онъ овладѣваетъ ⁷⁾ имъ и подчиняетъ его себѣ въ качествѣ „момента“ ⁸⁾.

Этому пріятію объекта и введенію его въ себя соотвѣтствуетъ творческое проникновеніе субъекта въ предметъ. Духъ не только обогащается содержаніемъ „тѣла“, „внѣшнихъ вещей“, „хозяйства и т. д., но самъ, реально обращается къ нимъ и преобразуетъ ⁹⁾ ихъ существованіе. Субъектъ завладѣваетъ *самимъ объектомъ* ¹⁰⁾, дѣлаетъ его своею собственностью ¹¹⁾, потребляетъ его ¹²⁾. Онъ осиливаетъ его, покоряетъ его себѣ ¹³⁾ и заставляетъ его терпѣть *свое* вліяніе и нести *свою* власть ¹⁴⁾. Мало того, духъ превращаетъ объектъ въ свое „податливое и приспособленное орудіе“ ¹⁵⁾, въ свой „инструментъ“ ¹⁶⁾. Онъ добивается того, чтобы объектъ сталъ для него „вполнѣ проходимымъ“ ¹⁷⁾, „текучимъ“ ¹⁸⁾; чтобы онъ не оказывалъ сопротивленія ¹⁹⁾ его свободному

¹⁾ Срв. о „Sich einbilden“ объекта Enc. III. 230.

²⁾ Срв. Enc. III. 230. 322 (Z).

³⁾ См. Enc. III. 149. 199. 232.

⁴⁾ Срв. Enc. III. 24. 47. 231. 234. (Z). 251. (Z). 273. 294—295. 295 (Z). 371—372.

⁵⁾ Enc. III. 150.

⁶⁾ Enc. III. 149.

⁷⁾ Срв. „in Besitz haben“. Enc. III. 229.

⁸⁾ „als Moment unterordnen“ Enc. III. 231.

⁹⁾ „umgestalten“. Enc. III. 237. (Z). 248 (Z).

¹⁰⁾ Срв. Enc. III. 237 (Z).

¹¹⁾ Enc. III. 232.

¹²⁾ „aufzehren“. Enc. III. 273.

¹³⁾ „unterwerfen“. Enc. III. 231.

¹⁴⁾ Срв. Enc. III. 26 (Z) 61 (Z). 62 (Z). 288. 333. 350.

¹⁵⁾ „gefügliches und geschicktes Werkzeug“. Enc. III. 237 (Z).

¹⁶⁾ Enc. III. 232.

¹⁷⁾ „durchgängig“. Enc. III. 232.

¹⁸⁾ „flüssig“. Enc. III. 232.

¹⁹⁾ „widerstandslos“. Enc. III. 232; „ungehindert“. Enc. III. 232.

полету; чтобы онъ проникся ¹⁾ его жизнью. Наконецъ, онъ превращаетъ его въ свое „вѣрное выраженіе“ ²⁾, въ свою „непосредственность“ ³⁾.

Тогда объектъ является побѣжденнымъ и субъектъ получаетъ полное основаніе сказать ему: „ты—это я, а я—это ты“; или „ты и я—одно и то же“. Объектъ оказывается разоблаченнымъ, а субъектъ—свободнымъ отъ „инобытія“. Но, именно благодаря этой свободѣ, субъектъ имѣетъ возможность снова „отпустить“ объектъ въ инобытіе и предоставить ему вести свое „внѣшнее“ существованіе ⁴⁾. Теперь „инобытіе“ уже не страшно духу; по крайней мѣрѣ въ той разновидности его, которую онъ поборолъ. Духъ оказывается „закаленнымъ“ ⁵⁾ противъ опасности „внѣшняго“ воздѣйствія. Онъ чувствуетъ себя господиномъ предмета и ставитъ себя въ „безразличное“ отношеніе къ нему ⁶⁾. Онъ уже не прикрѣпленъ къ нему ⁷⁾, не занятъ имъ ⁸⁾, не заинтересованъ имъ ⁹⁾, ибо предметъ превратился въ его покорное состояніе. Объектъ не ограничиваетъ субъекта ¹⁰⁾ и не опредѣляетъ его ¹¹⁾. Субъектъ уже не пассивенъ ¹²⁾ и не знаетъ зависимости ¹³⁾. Духъ, оставаясь въ формѣ инобытія, соблюдаетъ свою свободу и слѣдуетъ своему внутреннему закону. Онъ нашелъ въ объектѣ себя и положилъ (gesetzt) въ себѣ—объектъ. Онъ можетъ сохранить свою обремененность въ инобытіе, но можетъ и оторваться отъ побѣжденныхъ имъ, ирраціональныхъ

¹⁾ durchdrungen“. Enc. III. 232.

²⁾ „richtig aussert“. Enc. III. 232.

³⁾ „Zu einer Unmittelbarkeit. Enc. III. 233.

⁴⁾ Срв. Enc. III. 258. 294. (Z.)

⁵⁾ „Abhärtung gegen“. Enc. III. 231.

⁶⁾ „gleichgültig“. Enc. III. 231. 231.

⁷⁾ „gebunden“. Enc. III. 119. (Z.); „verwickelt“. Enc. III. 231. 288.

⁸⁾ „beschäftigt“. Enc. III. 229. 230.

⁹⁾ Enc. III. 229. 230.

¹⁰⁾ Enc. III. 150. 293 (Z.)

¹¹⁾ Enc. III. 119 (Z.)

¹²⁾ Срв. Enc. III. 152.

¹³⁾ Enc. III. 25 (Z.) 119 (Z.) 230. 297 (Z.) 367 (Z.)

корней бытія ¹⁾, ибо онъ утвердилъ надъ ними свою силу ²⁾ и освободился отъ нихъ.

Итакъ, свобода духа состоитъ въ томъ, что онъ придалъ себѣ значеніе и силу *субстанции* ³⁾ по отношенію къ объекту. Онъ вступилъ въ „тождество“ съ инобытіемъ ⁴⁾, но превратилъ его въ свою „акциденцію“, согласованную съ субстанціальнымъ началомъ ⁵⁾. Субъектъ сталъ сущностью, а объектъ — адекватнымъ явленіемъ этой сущности ⁶⁾. Свобода духа выражается въ томъ, что онъ имѣетъ возможность, не выходя изъ предѣловъ инобытія, пребывать въ „отвлеченіи“ отъ него ⁷⁾, творить свою *внутреннюю* жизнь, не нуждаясь во внѣшней дѣятельности ⁸⁾, и самостоятельно ⁹⁾ слѣдовать своему собственному закону ¹⁰⁾.

Это состояніе освобожденности естественно приводитъ къ тому, что субъектъ обращается уже не къ объекту, а къ самому себѣ ¹¹⁾. Онъ какъ бы возвращается къ себѣ изъ похода въ инобытіе ¹²⁾ и притомъ возвращается побѣдителемъ. Но въ этой свободной рефлексіи на себя ¹³⁾ духъ открываетъ вновь, уже въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, нѣкоторую пассивность, непосредственность и ограниченность, — нѣкое „инобытіе“. Оказывается, что въ немъ самомъ не все „принадлежитъ“ ему, не все покорно ему, не все тождественно съ нимъ, не все есть его знакъ; его самоопредѣленіе еще не „абсолютно“ и самъ онъ не вполне свободенъ. И вотъ, начинается процессъ *внутренняго* само-

1) Срв. Enc. III. 117 — 118.

2) „Stärke“. Enc. III. 231.

3) Срв. Enc. III. 232.

4) Срв. Enc. III. 237 (Z.). 254. 285. (Z.). 292—293 (Z.). 296.

5) Срв. Enc. III. 237 (Z.).

6) Срв. Enc. III. 254.

7) Срв. Enc. III. 231. 237. (Z.). 239. 350. 370.

8) Срв. Enc. III. 327—328.

9) Enc. III. 149. 337 (Z.).

10) Enc. III. 119 (Z.).

11) „Sich auf sich selbst beziehen“. Enc. III. 25 (Z.) 201 (Z.).

12) Enc. III. 305 (Z.). 350

13) Срв. Enc. III. 152.

освобожденія, борьбы съ *внутреннимъ инобытіемъ* — пассивными ощущеніями, чувственными влеченіями, аффектами и страстями. Субъектъ долженъ „снять“ всякую непосредственность ¹⁾, приобрести власть надъ каждымъ, имѣющимся налицо, содержаніемъ ²⁾. Эта власть приобретается, какъ и ранѣе, удвоеннымъ процессомъ: съ одной стороны — посредствомъ пріятія даннаго содержанія въ себя и осознанія его ³⁾, съ другой стороны — посредствомъ творческаго проникновенія въ него и преобразования ⁴⁾. Въ результатѣ такого двойного „вживанія“ — содержаніе, обнаружившееся въ „его бытіи“, становится *его* содержаніемъ ⁵⁾; оно превращается въ подлинное достояніе субъекта. Духъ снимаетъ ту видимость „чуждаго“ и „внѣшняго“, которая тяготѣла надъ содержаніемъ, и вводитъ его въ рядъ *внутреннихъ* опредѣлений. Это значитъ, что онъ внѣдряетъ содержаніе въ себя и себя въ содержаніе, или, что то же, онъ уходитъ внутрь себя, внѣдряетъ самъ себя — въ себя (*sich er—innegn*) ⁶⁾. Въ этомъ движеніи духъ постепенно овладѣваетъ собою и достигаетъ *самообладанія* ⁷⁾. Онъ приобретаетъ надъ собою власть ⁸⁾ и вступаетъ въ *тождество съ самимъ собою* ⁹⁾. Осуществляя свое назначеніе, или, какъ Гегель обычно выражается, свое „понятіе“, духъ стремится къ тому, чтобы быть владыкой своего достоянія, чтобы быть „у себя“ ¹⁰⁾ и „для себя“ ¹¹⁾. „Быть у себя значитъ быть свободнымъ“ ¹²⁾, и „сущность духа состоитъ“ именно „въ томъ, чтобы быть

¹⁾ Enc. III. 148 (Z.). 201 (Z.). 288.

²⁾ Enc. III. 26 (Z.).

³⁾ Срв. напр. Enc. III. 314 (Z.).

⁴⁾ Срв. напр. Enc. III. 329. 337. (Z.). 339.

⁵⁾ Срв. Enc. III. 233. 246. 253. 254—255. 296. 339. 371.

⁶⁾ Срв. Enc. III. 297 (Z.). 305 (Z.). 311. 322 (Z.). 346. 349. (Z.). 359—360 (Z.) и др.

⁷⁾ „Sich erfassen“ Enc. III. 69 (Z.); „sich in Besitz nehmen“. Enc. III. 149.

⁸⁾ Enc. III. 149.

⁹⁾ Enc. III. 24.

¹⁰⁾ „bei sich sein“. Enc. III. 33. 232. 300 (Z.). 351.

¹¹⁾ Enc. III. 23 (Z.). 41. 69 (Z.). 234 (Z.). 236 (Z.). 291 (Z.). 296. 301. 373 и др.

¹²⁾ Enc. III. 33.

у себя“ ¹⁾). Это означает, что субъектъ долженъ имѣть дѣло *только съ собою* и со *своими* опредѣленіями. Духу подобаетъ быть абсолютнымъ самоопредѣленіемъ ²⁾ и совершеннымъ самосознаніемъ ³⁾. А это и значить „быть у себя“ и „для себя“, или, что то же, „быть идеальностью, относящеюся къ самой себѣ“ ⁴⁾.

Когда это достигнуто, тогда духъ — свободенъ. Свобода предполагаетъ, слѣдовательно, что субъектъ „справился“ со своимъ содержаніемъ ⁵⁾; что онъ осуществилъ до конца „присвоеніе“ и „овладѣніе“ ⁶⁾; что онъ закончилъ разоблаченіе инобытія ⁷⁾, проработалъ его ⁸⁾ и снялъ „различіе“ ⁹⁾ между нимъ и собою; что онъ превратилъ „инобытіе“ въ свой знакъ ¹⁰⁾ и отображеніе ¹¹⁾. Тогда духъ, искоренивъ ¹²⁾ все, что идетъ не отъ него, освобождаетъ себя отъ всякаго „отношенія“ къ инобытію ¹³⁾ и отъ всякой ограниченности ¹⁴⁾. Онъ „снимаетъ“ невѣрную предпосылку знанія, по которой субъектъ *противостоитъ* объекту или пребываетъ въ *отвлеченіи* отъ него ¹⁵⁾; онъ опровергаетъ ее тѣмъ, что осуществляетъ реально проникновеніе мыслящаго „субъекта“ въ разумный „объектъ“ и обратно ¹⁶⁾. Понятно, что это проникновеніе возможно только въ спе-

¹⁾ Enc. III. 351.

²⁾ Срв. Enc. III. 119 (Z.). 295 (Z.) и др.

³⁾ Срв. Enc. III. 201 (Z.).

⁴⁾ Срв. Enc. III. 237 (Z.). 251. (Z.). 295 (Z.).

⁵⁾ „fertig geworden mit dem Inhalte“. Enc. III. 338 (Z.).

⁶⁾ „durchgeführtes [Aneignen“. Enc. III. 350. Срв. 239; „vollendete Besitznahme“. Enc. III. 358.

⁷⁾ Срв. Enc. III. 295 (Z.). 311 (Z.).

⁸⁾ „durchgebildet“. Enc. III. 239.

⁹⁾ „Differenz“. Enc. III. 230.

¹⁰⁾ „Zeichen“. Enc. III. 239. 240. 339.

¹¹⁾ „Abbild“. Enc. III. 248 (Z.).

¹²⁾ „tilgen“. Срв. Enc. III. 339.

¹³⁾ Срв. Enc. III. 254.

¹⁴⁾ Срв. Enc. III. 292—293 (Z.).

¹⁵⁾ Срв. Enc. III. 296. 298 (Z.).

¹⁶⁾ „gegenseitiges Sichdurchdringen der denkenden Subjektivität und der objektiven Vernunft“. Enc. III. 358 (Z.).

кулятивномъ мышленіи или „разумномъ познаніи“; поэтому свобода невозможна внѣ разума.

Только въ разумномъ мышленіи осуществляется великое схождение и сращеніе, — тождество „субъекта“ и „объекта“. Разумъ свободенъ потому, что познаетъ *все*, какъ „свое“ ¹⁾ собственное видоизмѣненіе; онъ свободенъ потому, что знаетъ и созерцаетъ „себя — въ другомъ, какъ себя самого“ ²⁾; онъ и въ различіи сохраняетъ тождество съ собою, и въ этомъ его безконечность и вѣчность ³⁾. То самое, что субъектъ позналъ, какъ свою сущность (разумъ), то самое онъ утверждаетъ, какъ сущность объекта ⁴⁾. Куда бы онъ ни проникъ, онъ всюду убѣждается, что объектъ есть членъ той системы духа и разума, въ которой пребываетъ самъ субъектъ ⁵⁾; субъектъ всюду сливается съ собою ⁶⁾ и въ этомъ его свобода. Зная предметъ, духъ тѣмъ самымъ знаетъ себя въ предметъ; сознать объектъ значить для него — сознать себя; и въ этомъ примиреніе духа съ самимъ собою ⁷⁾ и свобода ⁸⁾. Субъектъ ищетъ и находитъ въ предметѣ только себя ⁹⁾, ибо все содержаніе мысли — есть сама мысль ¹⁰⁾. Въ мышленіи объектъ всецѣло создается субъектомъ ¹¹⁾ и потому мышленіе есть начало свободы. Познаніе предмета есть уже не встрѣча съ инобытіемъ, но самопознаніе истины; если человѣкъ постигъ это, то онъ есть „свободный духъ“ ¹²⁾. Тогда онъ знаетъ о тождествѣ субъекта и объекта ¹³⁾ и пребываетъ въ „чи-

¹⁾ Срв. Enc. III. 267 (Z.). Срв. еще: „alles Fremdsein im Wissen aufgehoben“. Prop. 205.

²⁾ „mich im Andern, als mich selbst wissen“. Enc. III. 275; срв. 284 (Z.).

³⁾ Срв. Enc. III. 292 (Z.).

⁴⁾ Срв. Enc. III 257 (Z). 267 (Z.).

⁵⁾ Срв. Enc. III. 267 (Z.).

⁶⁾ Enc. III. 370. 376.

⁷⁾ Enc. III. 300 (Z.).

⁸⁾ Срв. Enc. III. 266.

⁹⁾ Enc. III. 357. (Z.).

¹⁰⁾ Ibidem.

¹¹⁾ Срв. Enc. III. 300. (Z.).

¹²⁾ Срв. Enc. III. 290 (Z.).

¹³⁾ Enc. III. 291 (Z.).

стомъ элементъ самодѣтельнаго мышленія“ ¹⁾). Только черезъ это осуществляется „полная свобода“ ²⁾).

Итакъ, духъ свободенъ, когда онъ знаетъ, что онъ есть абсолютное самоопредѣленіе. Тогда онъ святъ, ибо свято то, что само „разумно и знаетъ о разумномъ“ ³⁾). Тогда онъ полагаетъ въ себѣ все содержаніе и творитъ себя, развивая его самостоятельно изъ своихъ нѣдръ ⁴⁾). Онъ знаетъ, что *кромя него—ничего нѣтъ*, и знаетъ, что свобода есть его собственная сущность ⁵⁾). Тогда онъ является божественной самоцѣлью ⁶⁾), *Идею*, принявшею дѣйствительность въ жизни людей ⁷⁾). Ибо Идея состоитъ въ томъ, что люди знаютъ свободу, какъ свою сущность, какъ свою цѣль и свой предметъ ⁸⁾).

Таковъ путь самоосвобожденія, совершаемый Понятіемъ въ *дѣйствительномъ мірѣ*. Понятно, однако, что на ряду съ этимъ міромъ, смѣшаннымъ изъ „сущности“ и „существованія“, жизнь Божія протекаетъ непрерывно и на самомъ высокомъ, *абсолютномъ уровнѣ философскаго мышленія*. Съ тѣхъ поръ, какъ въ мірѣ состоялось первое *разумное познаніе*, — *абсолютная свобода* возстановилась въ элементъ „объективнаго сознанія“; и съ этихъ поръ мысль, въ ея истинномъ значеніи, остается всегда неумаленною. Поэтому Божію свободу необходимо созерцать *сразу* въ *двухъ* рядахъ: она *абсолютна* въ философскомъ мышленіи ⁹⁾), гдѣ Понятіе освободилось совсѣмъ отъ одіознаго спутника, — чувственной стихіи; и, въ то же время, она ограничена въ мірѣ *дѣйствительномъ*, гдѣ Понятію приходится преодолевать *сопротивленіе* ирраціональнаго и, въ лучшемъ случаѣ, выражать себя на его ограниченномъ языкѣ.

¹⁾ Епс. III. 232.

²⁾ „das ganz Freie“. Епс. III. 232.

³⁾ „heilig“. Епс. III. 292 (Z.).

⁴⁾ Срв. Епс. III. 294. 295 (Z.). 296. 298, (Z.). 329. 339. 359 и др.

⁵⁾ Епс. III. 374.

⁶⁾ Срв. Епс. III. 300 (Z.).

⁷⁾ Епс. III. 375.

⁸⁾ Епс. III. 375.

⁹⁾ Срв. Епс. I. 20. 44. Епс. III. 232. 377 и др.

Только спекулятивное *положеніе* субъективнаго сознанія объективнымъ смысломъ возвращаетъ Духу его абсолютную свободу и безконечность; а это возможно только въ спекулятивно-философскомъ мышленіи. Сказать „Богъ есть Духъ“, значить: „Богъ есть Богъ лишь постольку, поскольку онъ самъ себя знаетъ“¹⁾. Но знаніе себя, осуществленное Богомъ, есть „его самосознаніе въ человѣкѣ“, такъ что „знаніе человека о Боге восходитъ къ знанію человекомъ себя въ Боге“²⁾, и, далѣе, къ знанію Богомъ себя въ человѣкѣ. Это означаетъ, что Богъ есть „истинный Богъ“³⁾ только въ *философскомъ самопознаніи*, гдѣ онъ есть воистину „свободный Духъ“⁴⁾. На другихъ же ступеняхъ, особенно въ природѣ, гдѣ онъ еще сохраняетъ элементъ непреодолимой непосредственности,—онъ не есть „истинный Богъ“⁵⁾. Богомъ слѣдуетъ называть „только истинно-истинное, т.-е. то, гдѣ свободное Понятіе не имѣетъ болѣе въ своей объективности никакой неразрѣшенной противоположности, т.-е. гдѣ оно никоимъ образомъ не причастно конечному“⁶⁾ и не ограничено этою причастностью.

Весь процессъ самоосвобожденія можетъ быть охарактеризованъ, какъ своеобразное *углубленіе* духа. Духъ углубляется *въ объектъ* и въ то же время *въ себя*. Углубленіе духа въ объектъ необходимо для того, чтобы могло состояться его истинное *самоуглубленіе*. Каждый шагъ, вводящій субъекта въ объектъ, подвигаетъ дѣло его самоосвобожденія. Однако эти два движенія не различны и не раздѣльны, но представляютъ изъ себя одно и то же движеніе. Дѣло въ томъ, что каждое новое завоеваніе въ объектѣ не уничтожаетъ его совсѣмъ, но раскрываетъ новый,

¹⁾ Enc. III. 448.

²⁾ Enc. III. 448. Курсивъ Гегеля.

³⁾ Log. II. 182.

⁴⁾ Enc. III. 428.

⁵⁾ Log. II. 182. Это терминологическое ограниченіе не мѣшаетъ самому Гегелю настаивать на божественности „образовъ міра“, на пантеизмѣ и акосмизмѣ.

⁶⁾ Briefe. II. 79.

болѣе утонченный видъ „инобытія“ и „объективности“, преодоленіе котораго доступно лишь болѣе утонченной и углубленной субъективной дѣятельности. Для того, чтобы овладѣть „аффектомъ“ или „представленіемъ“, субъекту необходимо подняться на высшую ступень духовности, или, что то же, опуститься на болѣе глубокую ступень внутренняго творчества, чѣмъ тогда, когда онъ имѣетъ дѣло съ „внѣшними вещами“ или съ собственнымъ тѣломъ (напр. во время ходьбы). Это означаетъ, что углубленіе субъекта въ объектъ требуетъ непрерывнаго, параллельнаго углубленія его въ себя. Изъ каждой новой побѣды надъ предметомъ субъектъ возвращается выросшимъ и углубленнымъ, одухотвореннымъ и освобожденнымъ. Онъ приблизился къ сущности предмета („объективному“ разуму) и, въ этомъ приближеніи, выточилъ для себя новую форму жизни, болѣе близкую къ его собственной сущности („субъективному“ разуму). И каждый разъ субъектъ отрывается отъ побѣжденнаго инобытія, отпускаетъ его на волю и возвращается къ себѣ, обогащенный новымъ предметнымъ содержаніемъ и новымъ способомъ духовнаго бытія. Каждый новый, болѣе утонченный, предметъ приводитъ субъекта къ новой двойной побѣдѣ: надъ усвоеннымъ объектомъ и надъ прежнимъ, болѣе непосредственнымъ способомъ своей жизни. Объектъ освобождается изъ плѣна собственнаго неразумія, а субъектъ освобождается изъ плѣна собственной элементарности и непосредственности. И, когда субъектъ, освободившись, „отпускаетъ“ усвоенное имъ содержаніе и предоставляетъ ему сохранить свою старую форму, то въ этой щедрости онъ проявляетъ истинную свободу: духъ не только не поддается ограниченію со стороны своего вольноотпущеннаго объекта, но онъ знаетъ объ этой своей неограниченности или безконечности, знаетъ съ силою минувшаго страданія и состоявшагося откровенія.

Такимъ образомъ борьба съ объектомъ необходима духу для его освобожденія, и, вслѣдствіе этого, весь процессъ субъекта съ инобытіемъ является, какъ это было и у Фихте, условіемъ осуществленія свободы. При такомъ положеніи дѣла

вся жизнь духа оказывается созданиемъ свободы, совпадающей съ необходимостью, или необходимости, которая есть не что иное, какъ свобода. *Общенье съ инобытіемъ* есть *необходимость*, которую Идея свободно создала для себя въ отпадении; и въ то же время это есть процессъ ограниченнаго духа, *внутренне-необходимый* для него и потому проявляющій его *самозаконность*, т.-е. *свободу*. *Преодоленіе и снятіе объекта* есть необходимость для освобождающаго и, наконецъ, освободившаго себя духа; и въ то же время это есть торжество его самоопредѣленія, т.-е. его глубочайшей внутренней необходимости. *Неимѣніе объекта* означаетъ торжество абсолютной свободы и утвержденіе абсолютной необходимости. Чѣмъ свободнѣе жизнь духа, тѣмъ вѣрнѣе она его внутренней природѣ, тѣмъ болѣе въ ней истинной, спекулятивно-органической необходимости. Самая *несвобода* необходима духу для *реализаціи свободы* и задача его на низшихъ ступеняхъ состоитъ въ томъ, чтобы принять свою *необходимую ограниченность и умаленную свободу*, ибо только черезъ это онъ можетъ подняться къ своей *необходимой безконечности* и неумаленной, *абсолютной свободѣ*. Освобожденіе требуетъ, чтобы духъ началъ съ малаго, ибо путь къ свободѣ ведетъ только черезъ смиреніе. И налагая на себя это смиреніе, субъектъ можетъ и долженъ хранить непоколебимую увѣренность въ томъ, что его ждетъ не только побѣда надъ объектомъ, но и высшее изъ освобожденій: *преодоленіе субъективной ограниченности*.

Таково ученіе Гегеля о свободѣ. Слѣдуя ему, можно установить, что „свобода“ есть *критерій реальности* и въ то же время *мѣрило объективнаго достоинства* для всѣхъ „явленій“ и „образовъ“ міра: чѣмъ свободнѣе міровой образъ, тѣмъ выше его мѣсто въ восходящемъ ряду духовной жизни, тѣмъ ближе онъ къ реальности верховнаго уровня.

Но образъ міра *тѣмъ свободнѣе, чѣмъ меньше онъ причастенъ формѣ инобытія*. Свобода состоитъ прежде всего въ *преодолѣніи чувственной стихіи*, въ побѣдѣ надъ *конкретнымъ-эмпирическимъ*. Это означаетъ, что понятіе должно сначала

побороть самобытный ритмъ конкретнаго-эмпирическаго, а потомъ погасить его участие и выйти изъ сферы „дѣйствительности“. Ирраціональная стихія и свобода остаются до конца въ отношеніи противоположности, и въ этомъ послѣднее слово Гегеля о конкретномъ-эмпирическомъ. Въ самой глубокой сущности міра и души указывается метафизическій „фактъ“ борьбы Понятія съ его „предѣломъ“ („Schranke“). Этотъ предѣлъ созданъ Духомъ именно для преодоленія ¹⁾ и „пріемлется“ лишь постольку, поскольку жизнь его есть *самоотрицаніе*. Въ этомъ его единственное назначеніе: упразднить свое самобытное существованіе и подчиниться закону Понятія, — *отмѣнить себя во имя свободы*. „Конечное“ должно обнаружить въ себѣ „Безконечное“, какъ свою сущность ²⁾; „единичное“, исполняя свое назначеніе, должно отринуть себя и обрѣсти свою основу во „Всеобщемъ“, „внѣшнее“ должно найти свою истинную природу во „Внутреннемъ“ ³⁾; „чувственное“ должно быть отвергнуто выступающимъ изъ-за него „сверхчувственнымъ“; „случайному“ надлежитъ превратиться въ свою „истину“ — въ абсолютную „необходимость“ ⁴⁾. Призваніе конкретнаго эмпирическаго состоитъ въ томъ, чтобы спѣшить навстрѣчу своей гибели ⁵⁾ — во имя свободы; ибо *негативный процессъ въ чувственной стихіи — есть позитивный, творческий процессъ въ Боги*. Освобожденіе Бога въ мірѣ состоитъ въ томъ, что онъ постепенно сбрасываетъ чешую конкретной эмпирии и наконецъ „абсорбируетъ“ ее совсѣмъ, возвращаясь изъ міра къ абсолютной свободѣ. Эмпирическое существованіе есть тотъ крестъ, на которомъ распятъ Божественный разумъ ⁶⁾, и съ этого креста есть только одинъ путь воскресенія — въ спекулятивной мысли.

¹⁾ „Die Schranke ist also nicht in Gott und im Geiste, sondern sie wird vom Geiste nur gesetzt, um aufgehoben zu werden“. Enc. III. 39 (Z.). 293 (Z.).

²⁾ Срв. Enc. III. 37. Beweise. 388. 389. 390. 431. 433. Beweise. B. 469.

³⁾ Срв. Log. II. 230. Enc. II. 482—483. Enc. III. 18 (Z.). Beweise. 344 и др.

⁴⁾ Срв. Log. III. 241. Enc. III. 22 (Z.). Beweise. 367. 429. 434. 437. 438.

⁵⁾ „Zu Grunde geht“. Beweise. 445; „Untergang“. Log. III. 241; „Sich auflösen“. Beweise. 434; „Vernichtet“. Glaub. 67.

⁶⁾ Срв. „die Vernunft, als die Rose im Kreuze der Gegenwart“. Recht. 19.

Согласно этому, образъ міра *тѣмъ свободнѣе, чѣмъ менше въ немъ „внѣшняго“ и чѣмъ ближе онъ къ „чисто-внутреннему“ элементу.* Въ процессѣ освобожденія инобытіе постепенно утрачиваетъ характеръ грубой, инертной, осязаемой матеріи и превращается въ „чувственное ощущеніе“, „чувственную страсть“, „чувственный образъ“. Объектъ де-материализуется, передвигается въ душу, получаетъ „душевную“, а потомъ и „духовную природу“. Даже и оставаясь еще чувственною вещью, онъ можетъ перемѣнить свою родину и стать „рожденнымъ изъ духа“: таково вещественное бытіе въ *искусствѣ и религіи.* И, все-таки, каждый образъ искусства и религіи несовершененъ постольку, поскольку онъ нуждается въ чувственно-внутреннемъ, или, тѣмъ болѣе, чувственно-внѣшнемъ бытіи. Вотъ почему Гегель считаетъ архитектуру съ ея пространственными, застывшими массами — *низшимъ* изъ искусствъ, а поэзію съ ея тканью воображаемыхъ духовныхъ состояній — *высшимъ* родомъ эстетическаго творчества. Вотъ почему онъ считаетъ религіозную вѣру съ ея алканіемъ и предчувствіемъ, съ ея эмоціональнымъ субъективизмомъ — разновидностью эмпиристическаго плѣненія ¹⁾.

Далѣе, образъ міра *тѣмъ свободнѣе, чѣмъ полнѣе онъ осуществляетъ центростремительность и самодѣятельность Понятія.* Уже простая обращенность къ себѣ и на себя доступна не всѣмъ явленіямъ міра. Естественный организмъ есть первое явленіе *самодѣятельности* и, слѣдовательно, свободы; все, что ниже его — несвободно ²⁾. Истинная „рефлексія“ доступна только человѣческой душѣ, какъ началу „самосознанія“ и самоуглубленія. Истинная *самодѣятельность* (тождество субъекта и объекта) осуществляется только въ мысли. Имѣя это въ виду, Гегель и настаивалъ на томъ, что въ чувственной формѣ можетъ раскрыться не всякое содержаніе ³⁾ и что „болѣе глубокая“ природа истины можетъ быть вы-

¹⁾ Срв. Nohl. 313.

²⁾ Срв. Enc. II. 28. Recht. 87. Ph. G. 58; срв. съ этимъ Diff. 265. 265—266, гдѣ природѣ приписывается свобода.

³⁾ Aesth. I. 14. 102.

ражена *только въ свободной стихіи мышленія* ¹⁾. Такъ совершается освобожденіе духа: отъ глухого самочувствія и слѣпой самодѣятельности организма къ сознанію и самосознанію души, къ разумному познанію и спекулятивному самопознанію духа. *Научная философія есть осуществленіе высшей свободы* ²⁾.

Понятно, что именно философія есть, въ то же время, осуществленіе высшей *органической необходимости*. Образъ міра тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе онъ проникнуть внутренней органической необходимостью. Все случайное, насильственное, произвольное — свидѣтельствуеетъ о томъ, что истинная свобода осталась недостигнутою ³⁾. Все то, что въ жизни своей творитъ произволь, поддается насилію или отзывается на случайныя вліянія и голоса, — все это находится въ плѣну у чуждаго начала; все это еще не нашло *единственной свободы* — въ *единственной необходимости*.

Жизнь свободна тогда, если она *органически слилась съ божественною стихіею*; но тогда она свободна не свободою произвольнаго выбора, а *необходимостью внутренняго самоопредѣленія*. Свобода исключаетъ субъективную отъединенность, случайное усмотрѣніе, самобытность единичнаго, оторвавшагося отъ Всеобщности. Напротивъ, она есть торжество Всеобщаго, органическаго сращенія, спекулятивной конкретности. Она требуетъ отъ „единичности“ — самоотреченія.

Такова свобода; такова ея судьба: ея утрата и ея возрожденіе. „Дѣйствительность“ въ лицѣ *образовъ міра* возстанавливаетъ ее все полнѣе и совершеннѣе; но на ряду съ ними остаются „явленія“, слагающія съѣмъ эмпирической случайности и эмпирической необходимости. Пока міръ стоитъ, — въ немъ сохраняются неосвобожденныя вещи, явленія и состоянія, и въ этомъ *трагедія духа*. Онъ вѣчно остается подъ угрозой того, что отпадутъ и возстанутъ

¹⁾ Срв. Enc. III. 442. Aesth. I. 14 и др.

²⁾ Срв. Diff. 206. Glaub. 113. 157. Log. III. 318. 3 lat. 315.

³⁾ Срв. напр. Enc. II. 30. Enc. III. 407. Recht 50 и др.

„необразумившіяся“ силы міра и, можетъ быть, вовлекутъ его въ новыя паденія и мытарства. Правда, свобода есть реальная, цѣлесообразно творящая себя сила; но развѣ не противостоитъ ей—все еще непросвѣтленная до конца чувственная стихія? Правда, исторія человѣка внутреннимъ образомъ исполнена Духа и Разума ¹⁾; она есть, на ряду съ природою,—„сосудъ“ Духа ²⁾; она вѣнчаетъ міровой процессъ осуществленною и организованною свободою, ибо въ свободѣ „единственная цѣль духа“ и міра ³⁾. И все же исторія остается на ряду съ этимъ великою „бойней“ ⁴⁾, въ которой „приносятся въ жертву“ „счастье народовъ, мудрость государствъ и добродѣтель личностей“ ⁵⁾.

Жизнь міра протекаетъ не только въ совмѣщеніи двухъ взаимно-исключающихся стихійныхъ силъ, но и въ невозможности свести себя цѣликомъ къ абсолютной свободѣ: ибо *міръ не можетъ превратиться безъ остатка въ чистую мысль, а если бы онъ въ нее превратился, онъ пересталъ бы быть міромъ*. Абсолютная свобода возрождается въ мірѣ, но не поглощаетъ его цѣликомъ. Вотъ почему путь Божій въ мірѣ слагается не въ драматическую поэму, какъ это нерѣдко предносится Гегелю, а въ трагедію.

Нигдѣ эта *трагедія свободы* не обнаруживается яснѣе, чѣмъ въ жизни человѣческой души, воли и конкретной нравственности.

2. Человѣкъ.

Тому, кто стремится постигнуть философію Гегеля въ ея основной сущности, необходимо вскрыть его концепцію „человѣка“ съ особеннымъ, интуитивно сосредоточеннымъ вниманіемъ; ибо здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію „философіи духа“. Всѣ высшіе образы міра слагаются въ

¹⁾ Срв. Ph. G. 12. 13. 14. 16. 18. 21. 22. 29. 33. 51. 52. 53. 73 и др.

²⁾ Епс. III. 427.

³⁾ Срв. Recht. 172. Ph. G. 23. 23.

⁴⁾ Срв. „Schlachtbank“ Ph. G. 25.

⁵⁾ Ph. G. 25.

элементъ „человѣческаго“; каждая ступень въ жизни духа подлежитъ прежде всего тѣмъ законамъ и формамъ, въ которыхъ живетъ человѣческое существо, съ его „душой“ и „тѣломъ“. Право, нравственность, государство, исторія, искусство, религія — могутъ быть поняты только, какъ особья видоизмѣненія того, что составляетъ подлинную субстанцію человѣка. *Человѣкъ есть необходимый modus essendi Духа, вышедшаго изъ природы, но не осуществившаго еще свою абсолютную свободу.*

Подлинную, субстанціальную сущность человѣка составляетъ его „душа“, или, какъ Гегель обыкновенно выражается, „духъ“.

Человѣческой „духъ“ ¹⁾ есть высшій итогъ природы, ея созданіе, ея вѣнецъ. Онъ есть цѣль природы ²⁾, ради которой совершаются всѣ естественные процессы, онъ есть истина природы ³⁾, выстраданная всѣми низшими степенями міра и, наконецъ, отвергнувшая ихъ и вышедшая изъ нихъ на свободу. Природа „сжигаетъ себя, какъ фениксъ“ ⁴⁾, и душа выходитъ изъ этого огня, вступая въ жизнь; абсолютная, конечная цѣль природы лежитъ уже за ея предѣлами ⁵⁾. Человѣческая душа есть новый способъ бытія; она есть истинное и чудесное явленіе Духа въ природѣ ⁶⁾, какъ бы ударъ молніи ⁷⁾, или пробужденіе ото сна ⁸⁾. Свѣтъ, озаряющій міръ вещей, загорается „внутреннимъ“ образомъ ⁹⁾, и Божество обновляетъ свой способъ жизни ¹⁰⁾. „Духов-

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать „духъ“ (съ малой буквы), какъ „духъ человѣка“, — второй высшій этапъ Божія пути въ міръ, и „Духъ“ (съ большой буквы), какъ „Духъ Божій“ — синонимъ Божества. Срв., напр., Log. III. 328. Phän. 531. Aesth. I. 40. Rel. II. 50 и др.

²⁾ Enc. II. 695 (Z).

³⁾ Enc. III. 46.

⁴⁾ Enc. II. 695 (Z).

⁵⁾ Enc. II. 9.

⁶⁾ Срв. Rel. II. 50.

⁷⁾ Diff. 268.

⁸⁾ Enc. III. 46. 47.

⁹⁾ „das Innerlich - werden des Lichts der Natur“. Diff. 268.

¹⁰⁾ Срв. Aesth. I. 40.

ность“ есть высшій способъ жизни, болѣе достойный ¹⁾ Идеи, ибо Духъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ природу: душа, хотя бы заблудшая и дошедшая до зла и паденія, все же выше, чѣмъ жизнь растенія или движеніе планетъ ²⁾; мало того, среди „міровыхъ образовъ“ — образъ человѣческой есть самый высокій и истинный, ибо только въ немъ Духъ получаетъ „тѣлесность и зримое выраженіе“ ³⁾.

Это преимущество „духа“ передъ „природой“ состоитъ именно въ томъ, что душа есть начало *внутреннее*, въ противоположность всему *внѣшнему*. Душа, сама по себѣ, не тѣлесна, не чувственна ⁴⁾, не матеріальна ⁵⁾. Ее нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать. Она есть скрытая отъ глазъ *жизненная сила, идеальная* ⁶⁾ тою высшею духовною идеальностью, которая присуща *Понятію*. Именно такъ и слѣдуетъ представлять себѣ душу человѣка: она есть „*существующее Понятіе*“, или, что то же, „существованіе спекулятивнаго“ ⁷⁾. „То, что мы называемъ душою, есть Понятіе“ ⁸⁾, творящее въ тѣлѣ свое освобожденіе; оно реализовалось въ немъ ⁹⁾ и побѣждаетъ его своею силою.

Естественно, что душа, въ качествѣ *Понятія*, имѣетъ *его* мощь и *его* достоинство, но, въ качествѣ *существующаго Понятія*, она *причастна эмпирическому быванію и ограниченности*. Человѣкъ есть „образъ міра“; онъ *дѣйствителенъ* — поэтому существо его имѣетъ въ себѣ *двойной* составъ. Съ одной стороны, „душа“ живетъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣломъ, получая отъ него свое содержаніе; съ другой стороны, — она можетъ освободить себя отъ тѣла и обрѣсти другой

¹⁾ Срв. Enc. II. 29.

²⁾ Enc. II. 30.

³⁾ Enc. III. 442.

⁴⁾ Enc. II. 475 (Z.).

⁵⁾ Enc. III. 166 — 167.

⁶⁾ Срв. Enc. II. 552. Enc. III. 43 (Z.). 47. 237 (Z.).

⁷⁾ „die Seele ist der existirende Begriff, die Existenz des Spekulativen“. Enc. III. 150.

⁸⁾ Beweise. B. 475; срв. Enc. II. 693. Log. III. 250. Aesth. I. 141. 155. 157-158. др.

⁹⁾ Enc. I. 391.

языкъ для своего выраженія. Съ одной стороны, она ограничена, конечна и индивидуальна; съ другой стороны, она безконечна, сверхъиндивидуальна и объективна. Душа есть какъ бы нѣкая средина между чувственнымъ и спекулятивнымъ; она есть какъ бы компромиссъ и симбіозъ двухъ стихій. Практически говоря, она вѣчно стоитъ на распутіи, имѣя передъ собою двѣ дороги: къ тѣлу и къ Духу.

Въ этой *вѣчной двусторонности* человѣческаго существа Гегель видитъ его *судьбу*. Назначеніе человѣка — *свести эту двойственность къ единству*. Задача философіи, трактующей человѣка, — постигнуть его жизнь, какъ *единый потокъ къ свободѣ*.

Итакъ, человѣкъ имѣетъ *двойную* природу. „Съ одной стороны, мы видимъ человѣка... плѣнникомъ земной временности“: онъ „угнетенъ своими потребностями и нуждой, онъ подавленъ природою, онъ опутанъ матеріей, чувственными цѣлями и наслажденіями, онъ подчиненъ естественнымъ влеченіямъ и страстямъ, и увлеченъ ими; съ другой стороны, онъ поднимается къ вѣчнымъ идеямъ, къ царству мысли и свободы, даетъ себѣ, въ качествѣ воли, всеобщіе законы и опредѣленія“ ¹⁾ и утверждаетъ тѣмъ свою духовность. Съ одной стороны, „человѣкъ есть животное; но даже въ своихъ животныхъ функціяхъ онъ не останавливается“ на нихъ, какъ на чемъ-то существенномъ ²⁾ (такъ дѣлаетъ животное), „но осознаетъ ихъ, познаетъ ихъ“ и восходитъ къ самосознанію ³⁾. „Этимъ человѣкъ снимаетъ предѣлъ своей... непосредственности и перестаетъ быть животнымъ именно потому, что *знаетъ*, что онъ животное; и такъ онъ познаетъ себя, какъ духа“ ⁴⁾.

Человѣкъ ограниченъ въ пространствѣ и во времени: онъ не болѣе, какъ малая частица, и внѣ его остается вся безконечная протяженность; его жизнь длится небольшой промежуткомъ времени, который является мигомъ по сравненію

¹⁾ Aesth. I. 72.

²⁾ „als in einem Ansich“. Aesth. I. 104.

³⁾ Срв. Aesth. I. 104.

⁴⁾ Aesth. I. 104. Курсивъ Гегеля.

сь безконечностью времени ¹⁾). Онъ со всѣхъ сторонъ опутанъ конечностью ²⁾). Онъ и самъ является конечнымъ духомъ, поскольку то содержаніе, которымъ онъ живетъ, есть „непосредственное, данное“ содержаніе ³⁾). Постольку ему присуща „недостаточность“ (Mangelhaftigkeit) въ его тѣлесномъ и духовномъ бытіи ⁴⁾), и въ эту недостаточность чело-вѣкъ вынужденъ возвращаться, пока онъ ведетъ земную жизнь. Человѣкъ „не можетъ выдержать“ жизни „во внутреннемъ, какъ таковомъ, въ чистомъ мышленіи „въ мірѣ законовъ и всеобщности“: онъ „нуждается въ чувственномъ бываніи, въ чувствованіи, въ сердечныхъ движеніяхъ, въ душевныхъ настроеніяхъ и т. д.“ ⁵⁾). Человѣкъ долженъ испытывать всѣ „противорѣчія“ земного существованія: „голодь, жажду и утомленіе, ѣду и питье, сытость и сонъ и т. д.“ ⁶⁾). Ибо черезъ это онъ становится „дѣйствительнымъ“. „Духъ приобретаетъ свою дѣйствительность только тѣмъ, что онъ раздвоиваетъ себя въ себѣ самомъ, сообщаетъ себѣ предѣлъ и конечность въ видѣ естественныхъ потребностей“ и внѣшней необходимости и затѣмъ „преодолѣваетъ ихъ, проникая въ нихъ и вработывая себя въ нихъ“; этимъ онъ придаетъ себѣ объективное существованіе ⁷⁾). Чувственно-эмпирический составъ, — внѣшній (тѣло, какъ вещь среди вещей) и внутренній („душа“, какъ система ирраціональныхъ состояній), — необходимъ чело-вѣку для того, чтобы онъ былъ *дѣйствительнымъ и освобождающимъ себя* образомъ міра. Судьба чело-вѣка въ мірѣ опредѣляется тѣмъ, что онъ состоитъ изъ чувственности и разума, тѣла и духа ⁸⁾). Это означаетъ, что чело-вѣкъ въ своей жизни, подобно всѣмъ „образамъ міра“, *уже свободенъ и еще не свободенъ*. Духъ и ра-

1) Beweise. 424.

2) Aesth. I. 130.

3) Log. III. 272. Срв. Enc. III. 291.

4) Aesth. I. 195.

5) Aesth. I. 127.

6) Aesth. I. 127.

7) Recht. 252.

8) Aesth. I. 140.

зумъ составляютъ его сущность; слѣдовательно, онъ въ корнѣ своемъ причастенъ абсолютной свободѣ. Но разумъ его связанъ съ чувственностью, и, можетъ быть, его сила лишь потенциально сіяетъ изъ глубины; а духъ связанъ съ тѣломъ, и, можетъ быть, ему еще не удалось подчинить себѣ его косность. Назначеніе человѣка въ томъ, чтобы раздуть свою искру абсолютной свободы въ цѣльное, яркое и все охватывающее пламя. И это освобожденіе, рано или поздно, обеспечено ему, потому что *духъ человека есть модусъ самого Понятія.*

Именно, въ качествѣ Понятія душа человѣка есть „простая духовная субстанція“ ¹⁾, „основа“ человѣка и его жизни ²⁾. Она есть „простая всеобщность“, конкретная тотальность всѣхъ своихъ состояній и опредѣленій ³⁾. Все обособленіе, совершаемое Духомъ, все нисхожденіе къ единичнымъ опредѣленіямъ ⁴⁾ вырастаетъ изъ души, какъ изъ „абсолютной основы“, и остается въ элементѣ души, какъ въ своемъ абсолютномъ уровнѣ. Образъ человѣка сочетаетъ „материатуру“ ⁵⁾ съ божественною глубиною Духа. *Корень человеческой души божественъ;* и не только потому и постольку, поскольку Богъ открывается человѣку въ созерцаніи и мышленіи, а потому, что *Богъ реально дѣйствуетъ въ человѣкѣ и осуществляетъ себя черезъ человека* ⁶⁾: человѣкъ есть подлинно „медіумъ“ Бога ⁷⁾, скрывающій въ себѣ его могучее и творческое присутствіе ⁸⁾; глубочайшая природа человѣка, сама по себѣ и первоначально, — причастна божественности ⁹⁾, и задача человѣка въ томъ, чтобы освободить ее отъ внѣшняго и внутренняго инобытія. Человѣкъ, уви-

¹⁾ Enc. III. 46. 175 (Z). 289 (Z).

²⁾ „Grundlage“. Enc. III. 43 (Z).

³⁾ Срв. Enc. III. 46.

⁴⁾ Срв. Enc. III. 46.

⁵⁾ „Materiatur“. Log. III. 271.

⁶⁾ „im Menschen und durch den Menschen“. Aesth. I. 40.

⁷⁾ Aesth. I. 40.

⁸⁾ „Gegenwart“. Beweise. 426.

⁹⁾ Срв. Nohl. 313. Beweise. 294.

давший Бога, позналъ, что познанная имъ божественность есть „его собственная природа“ ¹⁾, и ему открывается, что не онъ „позналъ“ Бога, а *Богъ въ немъ позналъ самъ себя* ²⁾.

Все учение Гегеля о смыслѣ человѣческой жизни, о нравственности, государствѣ, искусствѣ, религіи и философіи, раскрывается только черезъ эту основную концепцію. Всѣ эти сферы бытія, всѣ эти міровыя состоянія суть видоизмѣненія *душевной стихіи* и, слѣдовательно, они сразу *человѣчны и божественны*. Это не значитъ, что они свободны отъ „природности“, „чувственности“, „существованія“: ихъ „*дѣйствительность*“ уже включаетъ въ себя элементъ инобытія. Но это значитъ, что Гегель видитъ въ нихъ *подлинныя этапы жизни Божіей*.

Все, что Гегель говоритъ о высшихъ образахъ міра, опредѣляется его основнымъ *исканіемъ Бога въ человѣкѣ*. Его учение о душѣ не представляетъ изъ себя эмпирическую психологію, хотя и привлекаетъ нерѣдко матеріаль эмпирическихъ наблюдений. И даже тогда, когда онъ говоритъ о „душѣ“, онъ разумѣетъ *основную, субстанціальную, духовную силу души*. Говоря о психо-физиологическихъ явленіяхъ, проникая въ жизнь безсознательнаго, рассматривая непосредственное общеніе людей и ихъ инстинктивное единеніе, Гегель имѣетъ въ виду не эмпирическую полноту и многообразіе предмета, но только „главное“: *спекулятивный характеръ и спекулятивную цельсообразность* изслѣдуемаго. Если въ жизни „души“ открывается это „главное“, то Гегель находитъ *свой предметъ* и утверждаетъ наличность Понятія; если же „главнаго“ не обнаруживается, то философія *не* находитъ своего предмета и въ утвержденіяхъ своихъ *просто не имѣетъ въ виду* этого „чисто-эмпирическаго“ матеріала.

Говоря о „душѣ“ въ индивидуальной и общественной жизни, Гегель имѣетъ въ виду *только „разумное“ и божественное*: его философія разумѣетъ только „розу“, расцвѣтшую въ „крестѣ дѣйствительности“; она говоритъ только

¹⁾ Nohl. 313.

²⁾ Beweise. 330. 428. 428. Enc. III. 292.

о побѣдѣ духа, о ея условіяхъ, о ея процессѣ и ея итогахъ. Весь паѳосъ Гегеля посвященъ *духу-побѣдителю*; онъ не философствуетъ о его пораженіяхъ, касаясь ихъ только мимоходомъ и только въ мѣру ихъ поправимости. Въ каждомъ предметѣ Гегель ищетъ лишь то, что ему дано видѣть и видеть лишь то, чего онъ искалъ. И то, что ему открывается—*побѣду и свободу Духа*—онъ утверждаетъ, какъ *главное, существенное, какъ первофактъ*. По самому основному видѣнію своему—Гегель *оптимистъ*.

Однако оптимизмъ его коренится не въ субъективномъ душевномъ равновѣсїи и не въ наивномъ или ограниченномъ прекраснотушїи, но въ сознательномъ и принципиальномъ возрѣніи на сущность философіи. Гегель не слѣпнетъ, взирая на зло, и не утверждаетъ, что его совсѣмъ „нѣтъ“; онъ не „идеализируетъ“ излѣдуемаго предмета и не старается „изобразить“ его лучше, чѣмъ онъ есть. Но въ многообразїи эмпирической данности онъ не все признаетъ предметомъ философіи. *Разуму надлежитъ раскрывать и познавать лишь то, что разумно*,—вотъ его основное убѣжденіе. Не все достойно разума и его мыслящей силы; ибо помыслить—значитъ освободить, значитъ раскрыть разумность помысленнаго, значитъ возстановить тождество субъекта и объекта; но такое тождество можетъ состояться только между Понятїемъ (объектомъ) и Понятїемъ (субъектомъ). Гегель *принципially отказывается* разсматривать то, что не есть *спекулятивная стихія смысла*: онъ отрицаетъ „инобытіе“, хотя уже не онтологически, но *познавательно*. Конкретное эмпирическое, какъ таковое, не есть предметъ, достойный философіи; чувственная стихія можетъ разсматриваться только въ мѣру своей покорности Понятїю, т.-е. въ ту мѣру, въ какую она „образумилась“. Именно этотъ *познавательный аристократизмъ* и приводитъ Гегеля къ его сознательному и принципиальному *оптимизму*.

Этотъ принципиальный *оптимизмъ предметнаго видѣнія* имѣетъ двѣ опасности.

Первая опасность имѣетъ *предметный* характеръ; она со-

стоитъ въ томъ, что философія, признающая только разумное, недооцѣнитъ удѣльный вѣсъ,—реальную силу и духовную значительность,—ирраціональной стихіи. Эта опасность можетъ привести къ признанію полной несущественности конкретнаго эмпирическаго и, соотвѣтственно, къ теоретическому и практическому игнорированію его самобытности и его вліянія.

Вторая опасность имѣетъ *терминологическій* характеръ; она состоитъ въ томъ, что философъ, пользуясь обычными и распространенными терминами для обозначенія особыхъ, своеобразныхъ предметовъ, рискуетъ ввести въ недоразумѣніе если не себя самого, то во всякомъ случаѣ другихъ. Здѣсь слагается возможность постояннаго *quaternio terminum*; оно осуществляется каждый разъ, какъ только мыслитель, изучающій Гегеля, забываетъ о томъ *совершенно своеобразномъ* значеніи, которое скрывается за *привычными* терминами. То, что Гегель называетъ „человѣкомъ“, „душою“, „правомъ“, „нравственностью“, „государствомъ“,—совсѣмъ не совпадаетъ съ тѣмъ, что обычно разумѣютъ люди, обращаясь къ этимъ терминамъ. Стоитъ упустить это изъ виду, и недоразумѣніе начнетъ громоздиться на недоразумѣніе.

Естественно, что эта опасность можетъ угрожать и самому философу, и тогда она сливается воедино съ первой опасностью. Недооцѣнка или игнорированіе конкретной эмпиріи можетъ привести его къ тому, что онъ будетъ говорить о „Правѣ“, „Нравственности“ и „Государствѣ“ въ *особомъ* значеніи, тамъ, гдѣ имѣются лишь „право“, „нравственность“ и „государство“ въ *обычномъ, маломъ* смыслѣ и масштабѣ. Такая возможность обнаруживается особенно тогда, когда философъ обращается къ *индивидуальнымъ, единичнымъ*, быть можетъ *исторически* даннымъ, *міровымъ* явлениямъ, „разумность“ которыхъ ему открыта, а „противоразумность“ которыхъ остается для него въ тѣни. Это можно выразить такъ, что познавательный аристократизмъ и оптимизмъ Гегеля всегда можетъ привести его къ тому, что онъ приметъ единичное міровое „явленіе“ за осуществив-

шійся міровой „образъ“. Тогда *спекулятивное ясновидѣніе и философская дальноркость* приняли бы форму *эмпирической близорукости* и привели бы философію къ безпомощности и заблужденію. Всѣмъ извѣстно, что Гегель, такъ же какъ и Платонъ, не избѣжалъ этой опасности въ вопросахъ политики.

Сущность основного подхода Гегеля къ предмету можетъ быть формулирована такъ: *онъ изслѣдуетъ дѣйствительность лишь въ мѣру ея разумности и утверждаетъ разумный элементъ, какъ сущность дѣйствительную*. Вотъ почему онъ не любитъ говорить о „несовершенномъ“, „дурномъ“, „порочномъ“, словомъ, о томъ, что искажаетъ ликъ Божій на землѣ. Вотъ почему онъ лишь мимоходомъ касается того, что „слабо“, „болѣзненно“, „несчастно“, всего того, что поддалось хаосу конкретного-эмпирическаго и безпомощно запуталось въ „обстоятельствахъ“. Гегель изслѣдуетъ пути *абсолютнаго блага* (разума) и видитъ въ немъ *абсолютную силу*. „Человѣкъ“ и „государство“ суть для него *образы*, сложившіеся въ этомъ ряду самоосвобожденія Божія.

Изображая, какъ *человѣкъ, увлекаемый скрытой въ немъ божественной силой, восходитъ къ абсолютной свободѣ*, Гегель различаетъ въ этомъ процессѣ три великихъ этапа: этапъ „субъективнаго духа“, этапъ „объективнаго духа“ и этапъ „абсолютнаго духа“. Всѣ эти ступени пребываютъ въ элементѣ „человѣческой души“: онѣ представляютъ изъ себя состоянія *внутренней, нематеріальной энергіи* *человѣка, божественно-смысловой по своей сущности и конечно-эмпирической по своему явленію*. Каждый изъ этихъ этаповъ осуществляетъ извѣстную степень духовной свободы, которая, согласно спекулятивному закону, не только въ послѣдствіи не исчезаетъ, но является необходимымъ „элементомъ“ дальнѣйшаго развитія. Содержаніе послѣдующаго этапа только и можетъ раскрыться на уровнѣ, выстраданномъ и созрѣвшемъ на предшествующей ступени: зрѣлый итогъ „субъективнаго духа“ есть *existenz-minimum* „объективнаго духа“, а высшее достиженіе послѣдняго есть атмосфера жизни, необходимая для духа „абсолютнаго“.

Это основное дѣленіе духовнаго пути слагается такъ. На первой ступени духъ „субъективенъ“. Это означаетъ, что духъ имѣетъ форму *единичной души, замкнутой* въ своихъ состояніяхъ и прикованной къ тому содержанію, которое непосредственно „дается“ или навязывается ему. При этомъ „душа“ не имѣетъ еще никакого понятія о своей *духовной природѣ* и о разумности данныхъ ей, „чуждыхъ“ съ виду, содержаній. Ей предстоитъ собственнымъ опытомъ убедиться какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, т.-е. *усвоить* весь объемъ своихъ, пассивно воспринятыхъ, содержаній и *освободить* себя въ нихъ, а ихъ въ себѣ. Ей предстоитъ, слѣдовательно, открыть себѣ глаза на то, что есть духъ вообще и признать *свою* духовность и разумность. Въ этомъ *спекулятивномъ онтогенезисѣ* Духа душа говоритъ о себѣ: „я есмь субстанція моего тѣла и моихъ внутреннихъ содержаній“; и осуществляетъ на дѣлѣ сказанное. Освобожденіе ея состоитъ въ томъ, что она устанавливаетъ *органическое тождество*, во-первыхъ, между собою и своимъ тѣломъ и, во-вторыхъ, между своими многообразными способностями и состояніями. Итогъ, который слагается въ концѣ этой борьбы, даетъ душѣ возможность сказать о себѣ: „я есмь духъ, разумная воля, уже свободная въ моихъ субъективныхъ предѣлахъ, но еще не свободная въ отношеніи къ другимъ тѣлеснымъ вещамъ и духовнымъ существамъ“; и, вслѣдъ затѣмъ,—перейти къ раскрытію этой высшей, *объективной* свободы. Это означаетъ, что только *разумная воля* есть зрѣлый итогъ *субъективнаго духа*, и что только она способна создать „право“ и „мораль“, „нравственность“ и „государство“.

На *второй* ступени духъ „объективенъ“. Это слѣдуетъ понимать такъ, что душа, побѣдивъ въ себѣ свои „состоянія“ и освободивъ себя внутренно, обращается къ *внѣшнимъ условіямъ* своего существованія въ мірѣ и завязываетъ съ ними *процессъ борьбы за свободу*. Она уже не замкнута въ своихъ предѣлахъ, но развиваетъ *центробѣжную* дѣятельность. Она уже имѣетъ понятіе о томъ, что есть духъ, и

напряженно ищетъ духовности въ „иностраніи“: въ другихъ людяхъ и въ природныхъ условіяхъ своей жизни. Ей предстоитъ убѣдиться въ томъ, что все „данное“ ей духовно,—или въ томъ смыслѣ, что само есть духъ, или въ томъ смыслѣ, что можетъ быть подчинено зову и велѣнію духа. Въ этомъ спекулятивномъ филогенезисѣ Духа душа видитъ себя въ связи, во-первыхъ, съ низшими, естественными ступенями Идеи,—побѣждая ихъ научно, технически и экономически, она освобождаетъ себя отъ ихъ мнимой самобытности; во-вторыхъ, съ неопредѣленнымъ множествомъ людей, — преодолевая нравственно и политически свою видимую оторванность отъ нихъ, она ликвидируетъ свою мнимую отъединенность. Это заставляетъ ее, въ то же время, переработать заново свои внутреннія содержанія, преодолѣть свою изолированность и опуститься въ глубину, — на уровень *сверхъ-индивидуальной, родовой и субстанціальной Всеобщности*. Освобожденіе ея состоитъ въ томъ, что она постигаетъ и утверждаетъ *ограниченное тождество*, во-первыхъ, между собою и другими людьми, объединенными сообща въ единство *народнаго духа*, и, во-вторыхъ, между народнымъ духомъ и естественными условіями его жизни, превращенными въ его покорный знакъ, въ его орудіе, въ его „тѣло“. Вступивъ на этотъ уровень, духъ можетъ сказать себѣ: „я есмь единая духовная субстанція, органическая Всеобщность, воля благая и сильная, властная надъ міромъ и надо всѣмъ моимъ внутреннимъ и внѣшнимъ содержаніемъ“; и, вслѣдъ за тѣмъ, перейти къ раскрытію, утвержденію и изображенію этого *высшаго откровенія*. Это означаетъ, что только созрѣвшій въ „государствѣ“ духъ „народа“ можетъ создать „прекрасное искусство“, вѣнчать „абсолютную религію“ и раскрыть „истинную философію“, ибо государственно-спаянный духъ націи представляетъ собою высшее достиженіе „объективнаго духа“ и, тѣмъ самымъ, *existenz-minimum „абсолютнаго духа“*.

Степень „абсолютнаго духа“ есть третья и высшая ступень. Это слѣдуетъ понимать такъ, что человѣку открылось послѣднее, *абсолютное знаніе*: знаніе *самой Истины, самой Идеи,*

божественной смысловой субстанции, какъ единой и единственной спекулятивной реальности. Человѣкъ видитъ Бога, и видитъ себя въ Богѣ, и Бога въ себѣ. Ему предстоитъ теперь увидѣть *адекватно* данное ему откровеніе, т.-е. найти въ себѣ вѣрный органъ для его воспріятія и вѣрный путь для его выраженія и изображенія. Жизнь „абсолютнаго духа“ проходитъ въ *отысканіи этой адекватности*. Въ этомъ спекулятивномъ *инозисѣ* Духа душа обращается сначала къ образному созерцанію и чувственно-внѣшнему изображенію Божества и создаетъ „прекрасное искусство“; потомъ къ аффективно-эмоціальному переживанію и чувствующему осуществленію Божества и творитъ „религію откровенія“; наконецъ, она постигаетъ, что единая мысль есть органъ, адекватный жизни Смысла, и угашаетъ себя въ „истинной философіи“. Въ спекулятивномъ знаніи человѣкъ уже не видитъ Бога, и не видитъ себя въ Богѣ, и не видитъ Бога въ себѣ; человѣкъ угасаетъ и смолкаетъ, душа его *поглощается* и „абсорбируется“, и тамъ, гдѣ по эмпирической видимости все еще остается „человѣческая душа“, на самомъ дѣлѣ божественное Понятіе мыслитъ себя само, утверждая свою абсолютную свободу.

Такова сущность человѣка и таковъ его путь въ мірѣ, начинающійся отъ перваго душевнаго проблеска и дающій ему въ завершеніи *радость конца*. Ученіе Платона о томъ, что земная жизнь мудреца есть творческое умираніе для „міра“, находитъ себѣ въ лицѣ Гегеля глубокаго истолкователя; однако съ тѣмъ различіемъ, что центръ тяжести полагается не столько въ завершающій актъ личной, естественной смерти, сколько въ *прижизненное, творческое угашеніе „себя“ въ „предметъ“*. Ростъ духа есть освобожденіе отъ „инобытія“ и это освобожденіе вполне осуществимо средствами живой, съ виду психо-физиологической, индивидуальности. Гегель не разъ истолковываетъ и естественную смерть человѣка, какъ выходъ въ свободу субстанціальной жизни; но этотъ исходъ онъ не считаетъ высшимъ изъ возможныхъ. Естественная смерть будетъ высшимъ исходомъ

только для человѣка, неспособнаго подняться къ адекватному знанію и *спекулятивно-ностическому освобожденію*; для человѣка, не живущаго въ сферѣ абсолютнаго духа; для человѣка, остающагося въ предѣлахъ *человѣческаго*.

Именно таковъ челоѣкъ въ сферѣ „объективнаго духа“, поскольку онъ не идетъ дальше и не восходитъ на высшую ступень. „*Субъективный духъ*“ есть этапъ, въ которомъ челоѣчскій духъ впервые растетъ и слагается, сбрасывая съ себя цѣпи естественнаго, природнаго, животнаго существованія. Сфера „*объективнаго духа*“ охватываетъ всю жизнь челоѣка, какъ такового, *принявшаго свою челоѣчность и осуществляющаго свою челоѣческую свободу*. Душа челоѣка ищетъ и осуществляетъ здѣсь *смыслъ своей челоѣческой жизни*, полагая въ ней сущность и значеніе. Въ предѣлахъ „*абсолютнаго духа*“ челоѣкъ уже знаетъ, что въ жизни его существенно именно не челоѣческое, а *Божественное*; что онъ лишь модусъ Бога и медиумъ его абсолютной силы; что въ челоѣкѣ важенъ не челоѣкъ, а Бого-челоѣкъ; что призваніе его въ томъ, чтобы угасить все чисто-челоѣческое и открыть свободный путь *божественному откровенію*.

Вотъ почему въ ученіи о *смыслѣ челоѣческой жизни* центральное мѣсто должно быть отведено сферѣ „*объективнаго духа*“. Здѣсь челоѣкъ, впервые создавъ свое духовное обличіе и получивъ первое представленіе о своемъ назначеніи, обрѣтаетъ въ борьбѣ и страданіи истинный смыслъ своей жизни, *преодолевая раздѣльность своего природнаго и социальнаго бытія* и сращивая *disjecta membra* Идеи въ *единую всеобъемлющую Субстанцію*. Если „*субъективный духъ*“ обнаруживаетъ истинный смыслъ *природы*, а „*абсолютный духъ*“ раскрываетъ истинный смыслъ *Божества*, то „*объективный духъ*“ *вынашиваетъ истинный смыслъ челоѣческой жизни*, какъ средняго состоянія между жизнью Бога въ природѣ и въ немъ самомъ.

Проблема „челоѣка“ есть какъ бы сосредоточенная проблема „*дѣйствительнаго міра*“, ибо *челоѣкъ есть Божественное въ эмпирической конечной формѣ*. Всѣ нити и узлы *міровой*

трагедіи сходятся въ немъ и находятъ свое разрѣшеніе. Человѣкъ есть тотъ центральный пунктъ міра, гдѣ страданія божественнаго начала достигаютъ своей вершины и находятъ выходъ въ абсолютную свободу.

—

3. Воля.

Смыслъ человѣческой жизни состоитъ въ осуществленіи свободы, или, что то же, въ *цѣлостномъ раскрытіи разумной и благой воли*. Это совершается такъ, что человѣческая душа постепенно преодолеваетъ эмпирическую и конечную форму существованія, постигаетъ свою всеобщность и предаетъ себя жизни единой Субстанции. Но спекулятивная сила и субстанціальная жизнь не приходятъ къ человѣку извнѣ; онѣ *присутствуютъ въ немъ съ самаго начала*, искони составляя его глубочайшую сущность. Путь къ разумной волѣ и далѣе къ ея субстанціальной свободѣ есть путь *самоуглубленія*, совершаемый человѣческой душою.

Этотъ путь „спекулятивной метаморфозы“ ведетъ свое начало, какъ всегда, отъ содержательной бѣдности, непосредственной простоты и абстрактной единичности, восходя къ содержательному богатству, опосредственной и осложненной простотѣ и конкретной всеобщности. Каждое изъ низшихъ состояній души не исчезаетъ безслѣдно и не остается позади, но сохраняется въ видѣ момента на высшей ступени развитія ¹⁾. Разумная воля, какъ высшая ступень субъективнаго духа есть состояніе углубленное, конкретное и въ то же время цѣлостно-простое: низшія состоянія собраны, сосредоточены въ немъ и образуютъ не пеструю совокупность эмпирическихъ опредѣленій, но классически-простой *modus vivendi* духа. Душа въ аспектѣ воли разумна и цѣльна, и всею безконечною силою своей направлена на единый предметъ—*Бога или абсолютную свободу*. Она созрѣваетъ въ видѣ субъективнаго духа и постепенно

¹⁾ Епс. III. 12 — 13.

слагаетъ тотъ уровень, на которомъ раскрываются ея состоянія, именуемая „правомъ“, „моралью“, „нравственностью“ и „государствомъ“.

Итакъ, сфера *объективнаго духа* раскрывается въ элементъ *человѣческой воли*, насыщенной разумомъ и выросшей до состоянія свободнаго самоопредѣленія. Такая воля есть результатъ предшествующаго спекулятивнаго процесса, истокъ котораго совпадаетъ съ *началомъ душевной жизни, заюртвшеюся въ глубинѣ „естественнаго организма“*. Такъ представляется Гегелю процессъ созрѣванія субъективной воли.

Низшей ступеню субъективнаго духа является „естественная душа“, непосредственно погруженная въ простые процессы своего природнаго бытія ¹⁾. Она живетъ, растворенная въ тѣхъ содержаніяхъ, которыя ей навязываетъ природа, подвергаясь ея вліяніямъ и опредѣленіямъ: душа опредѣляется климатомъ ²⁾, возрастомъ ³⁾, расою ⁴⁾, наслѣдственностью, темпераментомъ ⁵⁾, половымъ влеченіемъ ⁶⁾ и властью сна ⁷⁾. Она предается „простому пульсированію“ ⁸⁾, „смутному плетенію“ ⁹⁾ бессознательной и нерасуждающей жизни ¹⁰⁾. Она не выходитъ изъ своего, вполне личнаго и субъективнаго своеобразія ¹¹⁾ и даже не отличаетъ субъективнаго отъ объективнаго ¹²⁾; высшее, на что она способна, это *ощущеніе* (Empfinden) того, что ломится въ нее *извне* и того, что внутренно разряжается *въ ней*. Это ощущеніе заставляетъ ее приурочить одни содержанія къ „своему тѣлу“, другія, наоборотъ, — къ внутрен-

1) Срв. Enc. III. 54 — 55.

2) Enc. III. 57.

3) Enc. III. 57. 67.

4) Enc. III. 64. 72 — 73.

5) Enc. III. 81 — 82.

6) Enc. III. 103.

7) Enc. III. 103 — 105.

8) „einfaches Pulsiren“. Enc. III. 54 (Z.).

9) „dumpfes Weben“. Enc. III. 116 — 117.

10) Ibidem.

11) Enc. 117. 119. (Z.). 120. (Z.).

12) Enc. III. 56. 120. (Z.).

нему, „къ себѣ“, и испытать себя какъ „тотальность своихъ ощущеній“ ¹⁾. Въ этомъ испытаніи есть уже начало рефлексіи въ себя, возврата къ себѣ: душа становится *чувствующей* душой ²⁾.

Въ чувствованіи (Fühlen) душа нашла себя, какъ *субъекта* своихъ ощущеній ³⁾. Ея ощущенія суть *ея* ощущенія, а она есть ихъ „внутренняя индивидуальность“ ⁴⁾; она есть „особый“ ⁵⁾ замкнутый міръ своихъ „внутреннихъ опредѣленій“ ⁶⁾, — монада ⁷⁾. Чувственные ощущенія уже не держатъ ее въ плѣну ⁸⁾; напротивъ, она различаетъ ихъ ⁹⁾ и обособляетъ себя отъ нихъ ¹⁰⁾. Сначала она еще пассивна, растворена въ процессъ чувствованія и не отождествляетъ себя со скрытымъ въ ней „*деніемъ ея самости*“ ¹¹⁾; чувство, не сдерживаемое мыслью и волей ¹²⁾, ведетъ ее своими глухими ¹³⁾ путями, превращая ее въ сомнамбула ¹⁴⁾. Затѣмъ она просыпается, отдѣляетъ себя отъ своихъ чувствованій и, переходя по очереди отъ одного аффекта къ другому, утверждаетъ свое субъективное единство: душа становится *самочувствіемъ* ¹⁵⁾. Однако власти надъ своими содержаніями она еще не имѣетъ: аффекты ведутъ *психологическое* существованіе, выходятъ изъ подчиненія, утрачиваютъ свою текучесть и увлекаютъ душу во всевозможныя душевныя болѣзни ¹⁶⁾. Лишь постепенно силою *при-*

1) Enc. III. 120. 142.

2) Enc. III. 142.

3) Enc. III. 151.

4) Enc. III. 149. 151.

5) Enc. III. 151.

6) Enc. III. 147. (Z.).

7) Enc. III. 151.

8) Enc. III. 144. (Z.).

9) Enc. III. 151.

10) Enc. III. 54.

11) Enc. III. 151. 152.

12) Enc. III. 166.

13) „dumpf“. Enc. III. 164.

14) Enc. III. 162 — 198.

15) Enc. III. 198.

16) Enc. III. 198 — 201. 202 — 228.

вычки душа овладѣваетъ своими аффектами, механизируетъ ихъ теченіе и движется въ нихъ съ сознательной цѣлесообразностью ¹⁾.

Овладѣвая своими ощущеніями, идущими *отъ* тѣла и чувствованіями, тяготѣющими *къ* тѣлесному разряду, душа тѣмъ самымъ овладѣваетъ *самимъ* тѣломъ и становится *дѣйствительною* душою ²⁾. Она достигаетъ тождества между собою и своимъ „внѣшнимъ“ и подчиняетъ его себѣ ³⁾; тѣло проработано душою и присвоено ею; оно *изображаетъ* душу и становится ея знакомъ, ея первымъ явленіемъ, ея созданіемъ ⁴⁾. Это означаетъ, что душа *освобождаетъ себя отъ тѣла, оставаясь въ тѣлѣ*; и, освободившись, „противопоставляетъ“ его себѣ, отдѣляетъ себя отъ него, „негируетъ“ его и обращается къ себѣ ⁵⁾. Душа становится со-знаніемъ.

Сознаніе есть душа, утратившая свою непосредственность ⁶⁾: она живетъ не „въ объектъ“ и не „объектомъ“, но „объ объектъ“. Это значитъ, что она противопоставляетъ „себя вообще“, какъ нѣкоторое „внутреннее“, „идеальное“ „Я“ — „объекту вообще“, каковъ бы онъ ни былъ ⁷⁾. Душа утверждаетъ *себя*, какъ абстрактную всеобщность, а *объектъ* — какъ „естественную тотальность своихъ опредѣленій“ ⁸⁾; она *относится къ нему* и, въ то же время, совершаетъ рефлексію *въ себя*, являя впервые „безконечность“ духа ⁹⁾. Въ этой рефлексіи она возвращается къ себѣ, какъ своему окончательному средоточію, достовѣрному, ¹⁰⁾ идеальному тождеству ¹¹⁾. „Я“ — это субъектъ сознанія и знанія, начало *мысли* ¹²⁾ и

¹⁾ Enc. III. 229-239.

²⁾ Enc. III. 239. 241 (Z.).

³⁾ Enc. III. 239—240. 54.

⁴⁾ Enc. III. 239. 240. 241 (Z.).—246 (Z.).

⁵⁾ Enc. III. 246. 43 (Z.).

⁶⁾ Enc. III. 40. 249.

⁷⁾ Enc. III. 43 (Z.). 44 (Z.). 246—247.

⁸⁾ Enc. III. 247.

⁹⁾ Enc. III. 40. 246. 249.

¹⁰⁾ „Gewissheit seiner selbst“. Enc. III. 249.

¹¹⁾ Ibidem.

¹²⁾ Enc. III. 253. 249.

потому начало свѣта ¹⁾ и *уверенности*. Осознавъ свое „Я“, душа достигаетъ своего тождественнаго центра, той *досто-
вѣрности* (Gewissheit), которая конституируетъ ея суще-
ство ²⁾. Эта опора даетъ ей возможность приступить къ
борьбѣ съ объектомъ.

Обращаясь къ объекту, сознание, прежде всего, освобо-
ждается отъ непосредственно-чувственнаго отношенія къ
нему ³⁾ и стремится воспринять его въ его истинныхъ-
свойствахъ (wahr-nehmen) ⁴⁾. Силою воспріятія и вообра-
женія оно вступаетъ съ нимъ въ тождество и начинаетъ
расчленять и распредѣлять добытое на этомъ пути ⁵⁾: оно
становится *знающимъ* сознаниемъ. Опредѣляя и познавая,
оно подводитъ единичный и содержательный матеріалъ подъ
всеобщія понятія и абстрактныя категоріи; сознание ста-
новится *разсудкомъ* и построяетъ такимъ образомъ „*законы
природы*“ ⁶⁾. Эти всеобщіе законы схватываютъ и удержи-
ваютъ самое существо явленій: *законъ есть сущность объекта*.
Но законъ созданъ не объектомъ: онъ созданъ, раскрытъ и
начертанъ силою субъективнаго сознанія; онъ есть про-
дуктъ „всеобщаго“ ⁷⁾. И вотъ душа убѣждается въ томъ,
что сущность объекта порождена субъектомъ; что въ пред-
метѣ субъектъ находитъ *самого себя* и что сознание „иного“
есть въ сущности *само-сознаніе* ⁸⁾.

Однако разсудочное самосознаніе остается въ отрывѣ
отъ объекта; оно абстрактно, субъективно и единично.
Оно видитъ вокругъ себя предметы и подходитъ къ нимъ
первоначально съ жаждою и алканіемъ ⁹⁾; оно потребляетъ
ихъ своекорыстно и уничтожающе ¹⁰⁾, растворяясь въ этомъ

¹⁾ Enc. III. 249.

²⁾ Enc. 250 (Z.).

³⁾ Enc. III. 255—258.

⁴⁾ Enc. III. 260—261.

⁵⁾ Enc. III. 261.

⁶⁾ Enc. III. 262—263.

⁷⁾ Enc. III. 262—265.

⁸⁾ Enc. III. 265—268.

⁹⁾ „Begierde“. Enc. III. 270.

¹⁰⁾ Enc. III. 273.

потребленіи; оно не признаетъ ихъ самости и, утрачивая въ безсамостномъ (selbstlos) ¹⁾ объектѣ свое само-сознаніе, возвращается къ себѣ съ новымъ алканіемъ. Этотъ опытъ научаетъ душу иному отношенію къ объекту: самосознаніе приучается *видѣть въ предметъ начало свободной самости* и становится „признающимъ самосознаніемъ“ ²⁾.

Такова встрѣча *двухъ индивидуальных самосознаній*, стремящихся показать другъ другу свою свободу и однимъ своимъ существованіемъ ограничивающихъ другъ друга. Отсюда между ними возникаетъ борьба на жизнь и на смерть; она заканчивается побѣдой одного и господствомъ (Herrschaft) его надъ другимъ ³⁾. Борьба и жизнь въ подчиненіи заставляютъ покореннаго слугу (Knecht) *преодолѣть въ себѣ своекорыстіе* и тѣмъ открыть себѣ доступъ къ *безкорыстному, предметному разумному созерцанію вещей и отношеній*. Вынужденное самоотреченіе является для него началомъ *внутренней свободы*: онъ научается видѣть свою сущность за предѣлами внѣшняго принужденія и признавать въ господинѣ такую же свободную глубину. Совершается „предметный подъемъ“ ⁴⁾ непосредственной и единичной души, и подъемъ этотъ неминуемо, силою и вѣрностью своею, заражаетъ и господина ⁵⁾.

Такъ самосознаніе приучается не просто „сознавать объектъ“, но сознавать его, какъ особое самосознаніе, „иное“ по эмпирической видимости, но *столь же разумное и духовное*: объектъ становится для субъекта *драномъ общей и единой стихіи*. Это означаетъ, что субъектъ научается видѣть *въ объектъ явленіе того Разума, который составляетъ сущность самого субъекта* ⁶⁾; онъ видитъ въ предметѣ „себя“, а въ „себѣ“—разумную сущность ⁷⁾; онъ вступаетъ въ сферу

¹⁾ Енс. III. 274 (Z.).

²⁾ См. Енс. III. 274.

³⁾ Срв. уже Lass. II. 445—447.

⁴⁾ Енс. III. 283.

⁵⁾ См. Енс. III. 274—283.

⁶⁾ Срв. Енс. III. 283—286.

⁷⁾ Енс. III. 255.

разума, т.-е. тождества субъекта и объекта ¹⁾, и въ сферу духа, т.-е. чистаго разумаго самоопредѣленія ²⁾.

Духъ есть „истина“ души и сознанія ³⁾, т.-е. онъ объемлетъ душу и сознаніе, но только на *высшемъ* уровнѣ. Состояніе субъекта *духовно* тогда, когда онъ въ предметѣ своемъ *не видитъ ограничивающую инобытія* ⁴⁾, но осуществляетъ знаніе субстанцій, которая ни — „только субъективна“, ни — „только объективна“ ⁵⁾. Духъ имѣетъ дѣло *лишь со своими собственными опредѣленіями* ⁶⁾; онъ начинаетъ съ непоколебимой увѣренности въ томъ, что *міръ* есть — *разумное Понятіе* и что *Понятіе* имѣетъ *предметную реальность* ⁷⁾.

Однако эта концепція остается для него только *задачѣмъ* ⁸⁾, а самъ духъ, исповѣдующій ее, какъ истинную, остается субъективнымъ и конечнымъ ⁹⁾. Онъ стремится къ познанію, къ *теоретическому* оправданію такого міровоззрѣнія и становится *интеллигенціей*.

Задача *интеллигенціи* въ томъ, чтобы найти вѣрный и адекватный *modus cognoscendi*, т.-е. такой *способъ знанія*, который придалъ бы жизни духа характеръ дѣйствительнаго и истиннаго *самоопредѣленія*. Душа человѣка должна выстрадать себѣ ту глубину, на которой она подлинно увидитъ, что *всякое* движеніе духовной жизни есть *самоопредѣленіе* и что *духъ* есть *творческая энергія*, *раскрывающая себя изъ себя*. Тогда интеллигенція станетъ *волею* ¹⁰⁾.

Итакъ, духъ въ качествѣ интеллигенціи работаетъ надъ своимъ внутреннимъ „идеальнымъ“ міромъ, выковывая себѣ *самоопредѣляющуюся жизнь* ¹¹⁾; ему необходимо преодолѣть

¹⁾ Епс. III. 286.

²⁾ Епс. III. 286—287. 40.

³⁾ Епс. III. 287.

⁴⁾ Срв. Епс. III. 288.

⁵⁾ Епс. III. 288.

⁶⁾ Епс. III. 288.

⁷⁾ Срв. Епс. III. 289. (Z.).

⁸⁾ Срв. Епс. III. 291. 296. 297. (Z.). 298. (Z.).

⁹⁾ Епс. III. 291. 293. (Z.). 45. (Z.). 298.

¹⁰⁾ Срв. Епс. III. 296.

¹¹⁾ Епс. III. 298.

тѣ способы познанія, которые мирятся съ „данннымъ“ или пассивно „найденнымъ“ объектомъ ¹⁾; онъ ищетъ знанія, которое было бы равносильно *созданію предмета*; онъ ищетъ *интуитивнаго мышленія*.

Разумное самосознаніе въ послѣдній разъ обращается къ низшимъ ступенямъ душевной жизни, но уже съ твердою вѣрою въ свою духовность; оно „снимаетъ“ ихъ и выращиваетъ изъ нихъ спекулятивную мысль. *Ощущающій опытъ* мобилизуетъ для духа весь непосредственный матеріаль знанія ²⁾; *вниманіе* фиксируетъ предметъ ³⁾, собираетъ и объединяетъ внутреннюю энергію духа ⁴⁾, подавляетъ вторгающійся произволь субъекта ⁵⁾ и заставляетъ его предаться предмету ⁶⁾; *созерцаніе* внимательно испытываетъ предметъ, проникая изъ разумной глубины субъекта въ разумную глубину объекта ⁷⁾, и ухватываетъ зрѣлую субстанцію предмета ⁸⁾. Далѣе, *представленіе* уводитъ добычу созерцанія во внутренней міръ духа и овладѣваетъ ею ⁹⁾ на трехъ этапахъ: *усвоеніе* (Er-inneung, собств. *воспоминаніе*) погружаетъ узрѣнный образъ (Bild) предмета въ „ночную шахту“ безсознательнаго, сохраняетъ его, подводитъ его подъ свои представленія и опознаетъ его, какъ свою собственность ¹⁰⁾; *сила воображенія* извлекаетъ присвоенное содержаніе изъ субъективной глубины ¹¹⁾, воспроизводитъ его въ видѣ заново созданнаго образа ¹²⁾, устанавливаетъ ассоціативныя связи между нимъ и другими обра-

¹⁾ Enc. III. 305. (Z.). 301.

²⁾ Enc. III. 308—311.

³⁾ Enc. III. 308 (Z.).

⁴⁾ Enc. III. 311. 312 (Z.).

⁵⁾ „das eigene Sichelndmachen“. Enc. III. 313 (Z.).

⁶⁾ „Sich-hingeben an die Sache“. Enc. III. 313 (Z.).

⁷⁾ Срв. Enc. III. 318. 319 (Z.).

⁸⁾ Enc. III. 319 (Z.).

⁹⁾ Enc. III. 307 (Z.). 321. 322 (Z.). 322.

¹⁰⁾ Enc. III. 323 (Z.)—328.

¹¹⁾ Enc. III. 329.

¹²⁾ Enc. III. 328 (Z.). 331 (Z.). 329.

зами ¹⁾ и, насыщая свое созданіе *всеобщимъ значеніемъ*, превращаетъ его въ спекулятивный символъ духа, хранящій въ себѣ подлинное присутствіе выражаемаго содержанія ²⁾; образъ, какъ символъ *духовнаго содержанія*, т.-е. предмета ³⁾, получаетъ особое наименованіе ⁴⁾ и становится посредникомъ между предметомъ и именемъ; наконецъ, *память* закрѣпляетъ связь между предметомъ и названіемъ, *выбрасываетъ посредничество образа* и воспроизводитъ содержаніе предмета *по одному имени* ⁵⁾; когда же она овладѣваетъ матеріаломъ *вполнѣ*, она получаетъ механическое господство надъ устойчивыми, и потому всеобщими ⁶⁾, предметными содержаніями: *внутренняя сила субъекта усваиваетъ до конца безобразный предметъ, а безобразный предметъ проникается движеніемъ субъективнаго духа. Душа созрѣла до мышленія* ⁷⁾.

Интеллигенція *мыслить*. Это означаетъ, что ея основная сила имѣетъ дѣло со своимъ *собственнымъ продуктомъ—устойчивымъ, безобразнымъ, всеобщимъ предметомъ*, т.-е. мыслью. „Мыслить“ значитъ „имѣть мысли“, т.-е. имѣть ихъ въ качествѣ своего содержанія и предмета ⁸⁾. Стихія духа *всеобща*, ибо едина, устойчива, субстанціальна и всепроникающа; предметъ ея такъ же *всеобщъ*, ибо устойчивъ, существенъ и отвлеченъ отъ образнаго многообразія. Субъектъ создалъ себѣ предметъ, *вполнѣ имманентный*, и въ познаніи *его* онъ узнаетъ себя, какъ *истинную сущность вещей* ⁹⁾.

Мышленію остается еще подняться отъ *формально-разсудочнаго* состоянія къ *спекулятивно-разумному* ¹⁰⁾,—и теоретическое освобожденіе субъективнаго духа будетъ закончено. Отъ то-

¹⁾ Enc. III. 329. 331 (Z.). 332 (Z.). 333.

²⁾ Срв. Enc. III. 331 (Z.).—346.

³⁾ „Bedeutung“, „Sache“. Enc. III. 346. 347. 351.

⁴⁾ Enc. III. 346.

⁵⁾ Enc. III. 347.

⁶⁾ Enc. III. 346. 352. 353.

⁷⁾ Enc. III. 352. 353.

⁸⁾ „das Denken der Intelligenz ist Gedanken haben; sie sind als ihr Inhalt und Gegenstand“. Enc. III. 353. Курсивъ Гегеля.

⁹⁾ Срв. Enc. III. 353. 353. (Z.). 354 (Z.). 357 (Z.).

¹⁰⁾ Enc. III. 354 (Z.).

жественнаго пребыванія въ абстрактныхъ понятіяхъ мысль уходитъ къ „первораздѣламъ“ сужденій и завершаетъ свое восхожденіе въ конкретныхъ „сліянійхъ“ умозаключеній ¹⁾. Субъективное мышленіе отдаетъ себя во власть живого, объективнаго Понятія ²⁾ и становится *стихіей разумнаго самоопредѣленія*.

Воля и есть стихія разумнаго самоопредѣленія.

Но, прежде всего, она есть *стихія субъективнаго духа* и постольку она зарождается первоначально въ видѣ личнаго, непосредственнаго, *чувствующаго* самоопредѣленія, которое можетъ быть и разумнымъ, но можетъ носить случайный и субъективный характеръ ³⁾. Воленіе, основанное на *чувствѣ*, можетъ быть „одностороннимъ, несущественнымъ, дурнымъ“ ⁴⁾; оно можетъ не соотвѣтствовать разумному, существенному ⁵⁾ пути духа: радость и удовольствіе, стыдъ и страхъ ⁶⁾ имѣютъ случайное содержаніе, *не вырастающее изъ нихъ имманентно*, какъ того требуетъ природа разума ⁷⁾, но приходящее извнѣ. А, между тѣмъ, разумное самоопредѣленіе должно *исходить отъ самой воли*. Пытаясь приблизиться къ этому, воля сосредоточивается на какомъ-нибудь одномъ содержаніи и утверждаетъ себя, какъ *страстное влеченіе*, стремящееся создать себѣ удовлетвореніе ⁸⁾. Она полагаетъ себѣ *цель* и связываетъ съ нею свой *интересъ* ⁹⁾; но она ищетъ *полнаго* удовлетворенія и, не находя его, пытается руководить собою посредствомъ *мыслящей рефлексіи* и *выбирающаго изволенія* ¹⁰⁾. Въ этой борьбѣ между различными влеченіями, интересами и склонностями она постигаетъ, наконецъ, что

¹⁾ Enc. III. 355.

²⁾ Enc. III. 358.

³⁾ Enc. III. 361. 362.

⁴⁾ Enc. III. 362.

⁵⁾ „Selbstbestimmung, als *ansich* seiend“. Enc. III. 363. Курсивъ Гегеля.

⁶⁾ Enc. III. 364. 365 (Z.). 366 (Z.).

⁷⁾ Срв. Enc. III. 363. 366 (Z.).

⁸⁾ Enc. III. 367. 367—368 (Z.).

⁹⁾ Enc. III. 370. 371.

¹⁰⁾ Enc. III. 371. 372.

полнота удовлетворенія, блаженство ¹⁾ — будетъ достигнуто только тогда, когда *цѣль* будетъ *вполнѣ* соответствовать *основной и всеобщей разумной сущности воли*. Цѣльное удовлетвореніе есть удовлетвореніе *духа въ цѣломъ*, взятаго въ видѣ *тотальности и всеобщности*; для того, чтобы достигнуть блаженства, воля должна опуститься въ ту *последнюю глубину духа*, которая охватываетъ всю душу именно потому, что владѣетъ ея *последними, абсолютными* корнями. Только воля, опустившаяся на этотъ уровень и отождествившая себя со *всепроникающей* сущностью духа, можетъ добыть полноту удовлетворенія: ибо только она можетъ *имманентно* создавать свой предметъ, необходимый ей для удовлетворенія; только она есть всеобщая субстанція души; только она — свободна; только ей доступно абсолютное и свободное самоопредѣленіе. Только она есть *истинная Воля*.

Такимъ образомъ, *Воля* есть *конкретный итогъ всего пути* ²⁾, пройденнаго субъективнымъ духомъ. Въ устахъ Гегеля это не схема и не фраза, но тезисъ, полный самаго существеннаго значенія. Подобно тому, какъ въ его ученіе вообще невозможно проникнуть, не усвоивъ *воображающей мыслью* природу спекулятивнаго Понятія, — подобно этому, невозможно понять что-нибудь въ его философіи права и нравственности, не усвоивъ *конкретную природу Воли*. Необходимо принять съ полнымъ и серьезнымъ вниманіемъ *всѣ* основныя указанія его и тогда откроется слѣдующее.

Воля есть *человѣческая душа въ цѣломъ*, достигшая уровня *свободнаго самоопредѣленія*. Слѣдуетъ представить себѣ *человѣческое существо* во всѣхъ его *существенныхъ* чертахъ и *свойствахъ*, сведенное къ *гармоническому единству* и *подчиненное* самой *глубокой, стихійной силѣ души*. Эта сила есть *разумъ*, какъ *абсолютно благая и творчески-самоопредѣляющаяся энергія духа*.

Въ этихъ опредѣленіяхъ каждый терминъ долженъ быть насыщенъ живымъ, созерцающимъ разумніемъ.

Воля есть *органическая цѣльность всѣхъ существенныхъ* свойствъ

¹⁾ Енс. III. 372. 373.

²⁾ Срв., напр., Recht. 60—61. 365.

и дѣятельностей челоѣка; но всѣ эти свойства челоѣческаго существа *подчинены* господству его *духовной любви*, *преобразены* ею и превращены въ ея *покорный знакъ*. „Естественная душа“, съ ея опредѣленіями, и тѣло—образуютъ крайній предѣлъ внѣшняго явленія воли; воля пріемлетъ матеріально-физиологическое обличіе и выковываетъ изъ пространственныхъ, временныхъ и органическихъ состояній свое вѣрное орудіе, свой знакъ, — *тѣлесный организмъ*. Воля есть „дѣйствительная“ душа: *духовный „геній самости“*, *свободный въ своемъ тѣлесномъ организмѣ*. Далѣе, она есть „сознаніе“, но уже не оторванное отъ своего объекта; она есть „внутреннее идеальное Я“, но не въ смыслѣ эмпирическаго сознанія, а въ смыслѣ метафизическаго *самомышленія*; она есть „бесконечная рефлексія“, — творческій возвратъ Понятія къ себѣ. Воля есть „тождественный центръ души“ въ его „абсолютной достовѣрности“; она создаетъ законъ объекта, и даже болѣе того: она *создаетъ самый объектъ*; поэтому она „сознаетъ себя“ въ объектѣ и знаетъ объектъ, какъ *свое* состояніе. Воля есть, далѣе, та „безкорыстно, предметно живущая“ сила, которая знаетъ, что субъектъ и объектъ суть лишь *модусы единой субстанции, всеобщей Воли*. Она есть духъ, „свободный отъ инобытія“, т.-е. *Разумъ*, т.-е. „интуитивное мышленіе“, для котораго *познать* значитъ *создать*. Воля есть „рефлексивная“, уводящая всякій предметъ въ свою глубину *познающая* ея *выходящая* его изъ себя въ новомъ, существенномъ сліянніи; она есть *мерія* самого Понятія, мыслящаго себя безобразно; она есть самоопредѣленіе разума, какъ *глубокая* стихіи духа. Воля есть *единая и цѣльная* ея *свои* свой достойный уровень и ищущая нынѣ *полная* ея *разумной и благой природѣ*. Путь къ этому уже путь объективной и, далѣе, *абсолютной*

Такова воля, какъ итогъ субъективнаго духа. Она есть „истина“ интуитивнаго, т.-е. высшая ступень разумно-познающаго состоянія челоѣка ¹⁾. Это означаетъ, что воля

¹⁾ Ср. Епс. III. 373. Епс.

есть особое состояніе мыслящаго духа, такое, въ которомъ субъективная душа человѣка является созрѣвшей къ дѣятельности, къ творчеству, осуществляющему ея коренное и цѣлостное влеченіе. Воля есть духъ ¹⁾ въ его практическомъ ²⁾, раскрывающемъ себя и творящемъ свою цѣль порывѣ.

Отсюда слѣдуетъ, что всѣ тѣ, кто раздѣляетъ или противопоставляетъ мысль и волю, заблуждаются ³⁾. На самомъ дѣлѣ воля есть species мысли: мысль придаетъ себѣ значеніе воли и остается ея основой и субстанціей ⁴⁾. „Безъ мышленія не можетъ быть воли, и самый необразованный человѣкъ есть воля лишь постольку, поскольку онъ помыслилъ; животное, напротивъ того, не можетъ имѣть волю именно потому, что оно не мыслить“ ⁵⁾. Воля есть „мыслящій разумъ“ ⁶⁾, и только въ этомъ видѣ она можетъ утвердить свою свободу ⁷⁾ и сообщить себѣ истинное и достойное содержаніе ⁸⁾.

Ибо истинное состояніе воли есть самоопредѣленіе; а истинное и абсолютное самоопредѣленіе дается только мысли.

Самоопредѣленіе есть сущность воли, ея жизнь, ея стихія, ея *essentiale*. Самоопредѣленіе и воля просто совпадаютъ въ пониманіи Гегеля. Воля, которая не способна опредѣлить себя къ чему-либо, есть постольку слабая воля, безволие, своего рода „слабая сила“; воля, которая опредѣляетъ не себя, а нѣчто другое, — уже опредѣлила себя къ тому, чтобы опредѣлить что-то иное. Самоопредѣленіе есть та основная функція воли, безъ которой воли нѣтъ и при наличности которой воля имѣетъ бытіе. Воленіе состоитъ въ

¹⁾ Срв. Niet. 340. Enc. III. 359 и др.

²⁾ Срв. Niet. 340. Enc. I. 397. Enc. III. 373.

³⁾ Срв. Enc. III. 359. Recht. 38.

⁴⁾ „in Wahrheit ist das Denken das sich selbst zum Willen bestimmende und das Erstere bleibt die Substanz des Letzteren“. Enc. III. 358 (Z.). Срв. Recht. 49. 314. Ph. G. II.

⁵⁾ Enc. III. 358. (Z.).

⁶⁾ Recht. 49.

⁷⁾ Recht. 57.

⁸⁾ Enc. III. 359. Recht. 49.

томъ, что воля самоопредѣляется ¹⁾: „закрывается въ себя“ ²⁾, „наполняетъ себя изъ себя“ ³⁾, „даётъ сама себѣ содержаніе“ ⁴⁾ и оказывается „рефлектированной въ себя“ ⁵⁾ и „тождественной съ собою“ ⁶⁾. Сущность воли въ томъ, что она повинуется только себѣ ⁷⁾ и, сливаясь съ собою ⁸⁾, остается „у себя“ ⁹⁾.

А это и означаетъ, что *воля свободна* ¹⁰⁾: ибо самоопредѣленіе есть не что иное, какъ сама свобода. Воля, не опредѣляющая себя самодѣтельно и самостоятельно, есть не „воля“, но осуществленная „неволя“. Этимъ разрѣшается для Гегеля и антиномія свободы — необходимости. Воля въ своемъ истинномъ и полномъ значеніи, — разумная воля, — свободна потому, что свобода составляетъ ея природу ¹¹⁾, „ея понятіе или субстанціальность“ ¹²⁾; свобода есть сущность воли ¹³⁾ подобно тому, какъ тяжесть есть сущность тѣла ¹⁴⁾, а увѣренность есть сущность самосознанія ¹⁵⁾. Воля свободна потому, что *ей свойственно относиться только къ себѣ и ни къ чему болѣе* ¹⁶⁾; она свободна потому, что независимость отъ всякаго инобытія ¹⁷⁾ составляетъ ея атмосферу. Воля, живущая на уровнѣ разума, направлена всецѣло въ свои нѣдра и поэтому она обладаетъ „истинной безконечностью“: „она сама есть свой пред-

1) Срв. Enc. III. 359. Recht. 149. Rel. I. 77.

2) „sich in sich beschliessend“. Enc. III. 359.

3) „sich aus sich erfüllend“. Enc. III. 359.

4) „sich selbst den Inhalt gebend“. Enc. III. 359. 385. Recht. 48. 49.

5) Recht. 153.

6) Recht. 152. 153.

7) Срв. Ph. G. 46.

8) Recht. 42.

9) Enc. III. 359.

10) Enc. III. 359. Recht. 56. 152. Ph. G. 46. Rel. I. 77.

11) Enc. III. 250 (Z.).

12) Recht. 42.

13) Срв. Recht. 56. 61. 148 и др.

14) Recht. 42.

15) Enc. III. 250 (Z.).

16) Recht. 58.

17) Recht. 58.

меть“¹⁾; а это означаетъ, что она не имѣетъ ограничивающаго ее инобытія, но въ творествѣ своемъ возвращается къ себѣ²⁾.

Эта обращенность воли къ ея собственной сущности можетъ быть выражена такъ, что *она есть предметъ своего воленія, осуществляемый посредствомъ разумнаго и систематическаго раскрытія своей сущности.*

То, чего желаетъ разумная воля, есть *ея собственная сущность, т.-е. она желаетъ полнаго самоопредѣленія и абсолютной свободы.* Разумной волѣ свойственно, чтобы ея „опредѣленіемъ“, ея „содержаніемъ“, ея „цѣлью“ и ея „существованіемъ“ была свобода³⁾. Воля сама ставитъ себѣ цѣль⁴⁾ и цѣль ея—она сама, т.-е. ея свобода. Это предполагаетъ, что воля опознала свою истинную сущность; что она имѣетъ бытіе не только „по себѣ“, но и „для себя“⁵⁾. Такая воля является субъективно-зрѣлой волей: она выходитъ изъ себя, становится объективнымъ духомъ и создаетъ себѣ „міръ свободы“ —⁶⁾ въ организованной общественности, въ правѣ, нравственности и государствѣ.

Таково „понятіе“ воли: это есть *спекулятивно освободившееся разумное мышленіе человека, творческой стремящееся къ полнотѣ удовлетворенія, т.-е. къ абсолютной свободѣ.* Воля есть самоопредѣленіе разума, само опредѣлившее себя къ осуществленію абсолютнаго самоопредѣленія.

Въ этомъ *сущность зрѣлой воли, или ея „понятіе“.* Однако, на ряду съ зрѣлымъ состояніемъ воли, возможны, очевидно, и незрѣлыя, низшія состоянія. Необходимо имѣть въ виду, что „воля“ есть *воля человека, нѣкое цѣлостное состояніе человѣческаго существа.* Это означаетъ, что зрѣлая воля есть дѣйствительный „образъ міра“, допускающій на ряду съ собою незрѣлыя „явленія“ и вмѣщающій въ себя двойную

¹⁾ Recht. 57 — 58.

²⁾ „nur in sich Zurückgekehrt ist“. Recht. 58.

³⁾ Enc. III. 359. 360. (Z.). Recht. 62.

⁴⁾ Recht. 45.

⁵⁾ Recht. 46. 58.

⁶⁾ Enc. III. 360 (Z.).

природу: спекулятивную, или безконечную, и эмпирическую, или конечную.

Воля, какъ и всякое другое видоизмѣненіе Божества, можетъ обстоить и дѣйствовать или въ непроявленномъ, скрытомъ видѣ, оставаясь въ глубинѣ человѣческаго существа и утверждая свою природу только „сама по себѣ“ (an sich), или же въ раскрытомъ, осуществленномъ видѣ, на уровнѣ сознанія и самосознанія, — „сама по себѣ и для себя“ (an und für sich). Однако, въ своемъ скрытомъ, непроявленномъ, „неопредѣленномъ“ видѣ она не перестаетъ быть волею: она остается какъ бы „нейтральной“, но „безконечно оплодотворенной“ силой, „первоначальнымъ зерномъ“¹⁾, содержащимъ въ себѣ и производящимъ изъ себя „всѣ опредѣленія и цѣли“. Для того, чтобы раскрыть и осознать свою сущность, для того, чтобы осуществить себя какъ свободное самоопредѣленіе, — воля должна принять и проработать свою эмпирическую сущность, приобщить себя „быванію“, стать *существующей волей и побѣдить элементъ своего существованія*. Тогда только воля получитъ значеніе „дѣйствительнаго образа“, состоящаго изъ „сущности“, побѣдившей свое „существованіе“; тогда только она станетъ, по выраженію Гегеля, — „идеєю“²⁾: ибо „понятіе“ воли и „предметъ“ воли совпадутъ и превратятся въ тождество³⁾.

Этотъ процессъ созрѣванія воли Гегель описываетъ нерѣдко такъ, что „всеобщая сущность“ принимаетъ видъ „единичнаго“ явленія, а „единичная“ воля, углубляясь въ себя, устанавливаетъ свое спекулятивное тождество со „*всеобщей волей*“. Этотъ процессъ выходитъ уже за предѣлы субъективнаго духа, хотя и начинается въ его глубинѣ.

Для того, чтобы вѣрно понять природу „*всеобщей воли*“, необходимо имѣть въ виду основное воззрѣніе Гегеля на жизнь Бога и міра. Согласно этому воззрѣнію, Божество

¹⁾ Срв. Recht. 48. Этому описанію Гегель, повидимому, не придаетъ центрального значенія.

²⁾ Срв., напр., Recht. 132. 149. 171; срв. Recht. 48. 145. 148 и др.

³⁾ Enc. III. 373; срв. Recht. 62. 149. 210.

есть единая „всеобщая“ субстанція всякаго бытія, а явленія міра, — вещи и души, растенія, животныя и люди, — суть подчиненныя „единичности“, „акциденціи“ или вѣрнѣе „модусы“ этой субстанціи. При этомъ всеобщее входитъ въ единичное, какъ его живая сущность, а единичное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть; „всеобщее“ есть абсолютно-реальная, творческая стихія, пронизывающая всякую „единичность“, но скрытая въ ней и индивидуализированная ея предѣлами; эти предѣлы не позволяютъ свободной субстанціи выйти на свободу и явиться въ мірѣ такъ, какъ это соотвѣтствуетъ ея природѣ. Свободная всеобщность остается „только сущностью“ до тѣхъ поръ, пока ей не удастся преодолѣть косную стихію инобытія, или, что то же, пока „единичность“ не осознаетъ въ себѣ свою всеобщую сущность и не отдастся ея духовной и абсолютной силѣ. Тогда всеобщность перестаетъ быть „только сущностью“ и становится „явившейся сущностью“ — тождествомъ „сущности“ и „существованія“, „понятія“ и „реальности“, т.-е. дѣйствительнымъ „образомъ міра“ или трижды реальною „идеєю“.

Этотъ порядокъ осуществляется въ мірѣ на разныхъ уровняхъ, или, что то же, въ разныхъ „элементахъ“. Однако съ особенной стройностью онъ раскрывается въ конкретной нравственности, гдѣ „единичная воля“ сливается со „всеобщей волею“, и въ абсолютной религіи, гдѣ „вѣрующая душа“ приѣмлетъ въ себя „жизнь и любовь единого Бога“. Гегель успѣлъ дать продуманное и зрѣлое выраженіе только ученію о нравственной жизни людей и оставилъ систематическое ученіе о религіи въ видѣ черновыхъ набросковъ. Ученіе о „всеобщемъ“, какъ живой, конкретной тотальности, остается поэтому, строго говоря, достояніемъ его *Логик* и *Философіи Права*: тамъ оно раскрывается въ элементѣ реальности, — чистой, божественной мысли; здѣсь — въ элементѣ „дѣйствительной“ человѣческой воли.

Всеобщая воля есть особое состояніе Божественной ¹⁾ стихіи

¹⁾ Срв., напр., *Recht*. 334. *Ph. G.* 40.

въ мірѣ, и притомъ именно *въ челоуѣкъ*. Это есть видоизмѣненіе самого Понятія, Разума или спекулятивной мысли. Воля, какъ *субстанціальный корень* челоуѣческой души, именно потому *всеобща*, что она есть видоизмѣненіе мыслящаго себя Смысла ¹⁾: ибо мышленіе, — и по дѣятельности своей и по предмету своему, — всеобще.

Поэтому всеобщая воля *живетъ ритмомъ и цѣлью Понятія*: она создаетъ единичныя воли изъ себя путемъ „спецификаціи“; она входитъ въ нихъ, въ качествѣ ихъ скрытой, живой сущности, и включаетъ ихъ въ себя, какъ свои живыя части; она имѣетъ всеобщую цѣль и всеобщій предметъ, — себя и свою свободу; и, осуществляя ее, она достигаетъ *тождества* между собою и своими явленіями, т.-е. индивидуальными волями людей.

Это означаетъ, прежде всего, что необходимо различать между всеобщею волею, какъ „по себѣ сущей субстанціей“, и единичною волею, какъ „для себя сущимъ явленіемъ“. Только *конкретное тождество* ихъ даетъ „истину“, т.-е. совпаденіе „всеобщей субстанціи“ съ „единичнымъ явленіемъ“, истинную „всеобщую волю“, сущую „по себѣ и для себя“ (an und für sich). Сращеніе или отождествленіе между „всеобщей волей“ и „индивидуальной волей“ совершается дважды: первый разъ въ предѣлахъ субъективнаго духа и второй разъ въ предѣлахъ „объективнаго духа“. Челоуѣкъ находитъ въ себѣ божественно-разумную стихію воли два раза: сначала въ своей замкнутой жизни, приводящей *его* къ признанію *себя* индивидуально-свободною волею, а потомъ въ общеніи и общественной жизни, приводящей *всѣхъ* людей къ признанію себя *единой спекулятивной стихією* „народнаго духа“.

Сначала воля есть „*по себѣ сущая субстанція*“ субъективнаго духа. Она скрыта въ его глубинѣ, какъ „геній его самости“, какъ его истинное „понятіе“ ²⁾. Челоуѣкъ часто не знаетъ этого, не видитъ и не признаетъ своей истинной разумно-

¹⁾ Срв. Enc. III. 359. 359. Recht. 49. Ph. G. 38. Rel. I. 77.

²⁾ Срв., напр., Enc. III. 373. Recht. 46. 139. 173 и др.

волевой природы; тогда онъ опредѣляетъ себя чувствомъ и страстью и вступаетъ на путь блужданій. Однако это заблужденіе не въ состояніи измѣнить сущность дѣла; всеобщность разумнаго самоопредѣленія *остается его подлинною не освобожденною природою*, а, формально говоря, — его предметчертаннымъ долженствованіемъ)¹. Безъ мысли нѣтъ человѣка, она пробивается въ немъ уже на ступени воспріятія (Wahr-nehmen) и сознанія. А мысль есть уже *состояніе всеобщности*. Стихія духа, — самоопредѣляющагося мышленія, — остается „всеобщей“ даже въ непосредственно-личной жизни человѣка.

Но именно въ такой жизни и обнаруживается впервые различіе между всеобщею волею, какъ „по себѣ сущей субстанціей и единичною волей, какъ „для себя сущимъ явленіемъ“. *Сама по себѣ* воля остается разумною, всеобщею и свободною)²; но въ *явленіи* своемъ она оказывается оторванною отъ субстанціи единичностью, — „непосредственною естественною волею“)³. На сокровенно-внутреннихъ путяхъ своихъ воля живетъ, какъ „безконечная сила“; а на путяхъ внѣшняго явленія она остается „конечною“)⁴ и „формальною“)⁵ волею, наполненною многообразнымъ эмпирическимъ содержаніемъ)⁶.

Этотъ разрывъ между двумя волями испѣляется, далѣе, въ предѣлахъ „*субъективнаго духа*“ тѣмъ, что конечная воля, въ поискахъ полнаго удовлетворенія, обращается внутрь себя и признаетъ свою безконечно-разумную сущность. Она становится *свободною* — и „сама по себѣ“ и „для себя“; то, что было скрытою въ ней сущностью, становится осознаннымъ достояніемъ и способомъ жизни субъективнаго духа. Воля цѣлостно опредѣляетъ себя къ свободѣ и переходитъ въ сферу „*объективнаго духа*“.

¹) Срв. Enc. III. 361.

²) Срв. Recht. 46. 47.

³) Recht. 47. 252.

⁴) Recht. 47.

⁵) Recht. 48—49.

⁶) Recht. 48.

Этотъ переходъ къ „объективности“ означаетъ, что разумная и всеобщая сущность духа должна стать для него *самого объектомъ*. Душа постигла, что она, какъ *человѣческая монада*, внутренне свободна и, вслѣдъ за этимъ она выходитъ за предѣлы своего замкнутаго существованія. Воля признала свою субъективную всеобщность и видитъ себя въ своеобразно-противорѣчивомъ состояніи: она сама, какъ внутренне-всеобщая субстанціальная сила, противостоитъ цѣлому множеству „внѣшнихъ“ существованій и сама ограничена предѣлами субъективной монады. Инобытіе, повидимому, до конца побѣжденное субъективнымъ духомъ, *опновъ встаетъ* передъ нимъ, и это требуетъ отъ него дальнѣйшаго самоосвобожденія. Воля, субъективно „свободная“ и „всеобщая“, должна стать *объективно* „свободной“ и *объективно* „всеобщей“.

Объективность, къ которой обращается воля, имѣетъ *тро-якій* характеръ: во-первыхъ, это есть множество единичныхъ индивидуальныхъ волей, т.-е. другіе люди; во-вторыхъ, это есть множество „естественныхъ вещей“, представляющихъ сознанію, т.-е. совокупность тѣхъ природныхъ условій, въ которыхъ живетъ чело-вѣкъ; въ-третьихъ, это есть множество личныхъ, чело-вѣческихъ потребностей и влеченій, загорающихся въ самой субъективной волѣ отъ общенія съ другими людьми и вещами. Все это образуетъ „внѣшній матеріаль“ для существованія субъективно-зрѣлой воли и предназначаетъ ей путь дальнѣйшаго восхожденія.

Этотъ путь состоитъ въ томъ, что воля должна *открыть разумную и всеобщую природу* въ своихъ новыхъ „объективныхъ“ предметахъ и осознать въ себѣ ту, еще болѣе глубокую, *всеобщность*, которая *едина для всѣхъ людей, стоящихъ въ общественномъ сожителствѣ*. Достигнуть этого значитъ снять „противорѣчіе“ между субъектомъ, уже разумнымъ и всеобщимъ, и предметомъ, предстоящимъ въ видѣ неразумнаго множества единичныхъ существованій; это значитъ также снять „противорѣчіе“ между всеобщимъ, *субстанціальнымъ содержаніемъ*, созрѣвшимъ въ субъектѣ, и *внѣш-*

ней формой его жизни — личною, конечною и ограничебною. Индивидуальная воля знаетъ, что она *сама по себѣ* (т.-е. въ отрывѣ отъ другихъ людей и вещей) *всеобща и разумна*, и притомъ не только „по себѣ“ (т.-е. по своей сокровенной, субстанціальной сущности), но и „для себя“ (т.-е. по своему эмпирическому самосознанію); теперь ей предстоитъ найти ту же всеобщность въ другихъ людяхъ, *познать въ нихъ то, что она познала въ себѣ*, и признать, что *въ нихъ живетъ и творчески раскрывается та же самая, единая стихія разумнаго самоопредѣленія*, которая слагаетъ и ея собственную сущность. Субъективная воля должна *познать свое спекулятивное тождество съ другими субъективными волями*. Она должна убѣдиться и признать, что множество индивидуальных волей есть „множество“ лишь по своей *внѣшней видимости*, по своему явленію; по существу же это множество *не разведено реально*, но образуетъ одну единую *Всеобщность*, единую всеобщую волю, народный духъ (Volksgeist). Эта единая всеобщая воля и есть та *духовная субстанція*, которая *входитъ въ каждую единичную волю*, въ качествѣ ея живой сущности, и *включаетъ въ себя всѣ единичныя воли*, въ качествѣ своихъ живыхъ органовъ.

Согласно этому, всеобщая воля *трижды оправдываетъ свое имя*. Она всеобща, во-первыхъ, потому, что она есть *единая субстанція всяческаго бытія*, сама Субстанція, само Понятіе, самъ божественный Смыслъ. Она всеобща, во-вторыхъ, потому, что она есть *всепроникающая сущность субъективнаго духа*, всѣхъ его внутреннихъ состояній и опредѣленій. Она всеобща, въ-третьихъ, потому, что она есть *единая разумно-волевая, духовная стихія множества людей*, множества индивидуальных волей. Это есть *общая всѣмъ людямъ сила разумнаго воленія*; однако „общая“ не въ томъ смыслѣ, что у каждаго человѣка есть „своя воля“, а у многихъ людей — есть „одинаковая душевная способность“; но въ томъ смыслѣ, что *Воля реально едина*, а *индивидуальныя воли суть ея специфическія видоизмѣненія*.

Эти специфическія „обособленія“ единой всеобщей воли

могутъ выражать ея божественную природу съ большею или меньшею вѣрностью. Индивидуальная воля можетъ не знать, не сознать и даже не предполагать того, что она есть „явленіе“ и „органъ“ единой субстанціи. Однако это заблужденіе не въ состояніи измѣнить сущность дѣла: всеобщая воля народнаго духа остается всегда субстанціей единичной воли, но, можетъ быть, — *скрытой субстанціей, сущей лишь „по себѣ“*. Задача индивидуальной воли въ томъ, чтобы осознать это и признать себя органомъ народнаго духа: тогда она постигнетъ свое тождество со всеобщей волей и съ „другими“ людьми; тогда она пойметъ, что она свободна отъ „инобытія“ не только въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, но и въ „объективномъ“ порядкѣ: ибо другіе люди суть ея „со-органы“, объединенные съ нею единой субстанціальной сущностью. Тогда субъективный духъ станетъ *объективно свободнымъ* и „по себѣ“ и „для себя“.

Такъ оправдывается здѣсь основное соотношеніе спекулятивныхъ ступеней: послѣдующее состояніе есть всегда *реальная сущность* предшествующей ступени, ея субстанціальное зерно, скрытое въ ней и раскрывающееся изъ нея, какъ изъ своей оболочки. Согласно этому, всеобщая воля народнаго духа лежитъ въ основаніи субъективной воли, но субъективная воля не знаетъ этого и узнаетъ объ этомъ только тогда, когда созрѣваетъ внутренно до состоянія разумной воли и вступаетъ въ сферу „объективности“. Это можно выразить такъ, что субъективный духъ осозналъ себя, какъ *субъективно-всеобщую* волю, т.-е. обрѣлъ въ себѣ *самомъ единую, разумную стихію мысли*, которая свободна отъ своего объекта потому, что сама создаетъ его (смысль имманентенъ мышленію) и которая *всеобща* потому, что субстанціалью пронизываетъ *весь внутренній міръ монады* (воля есть разумная всеобщность душевной монады). Однако теперь субъективному духу предстоитъ осознать нѣчто большее: не „онтогенетическую“, а „филогенетическую“ всеобщность воли. Это означаетъ, что *субъективная всеобщность воли есть индивидуальное выраженіе объективной* (т.-е. со-

ціально-духовной) *всеобщности*, осуществившееся въ индивидумѣ, какъ *брианъ* народнаго духа. Иными словами: разумная духовность каждаго отдѣльнаго человѣка есть „единичный модусъ“, специфическое видоизмѣненіе „всеобщей воли“ его народа.

Понятно, что на самомъ дѣлѣ „всеобщая воля“ совсѣмъ не противостоитъ единичной волѣ. Взятая отвлеченно, всеобщая воля есть абстракція, чистая, безразличная неопредѣленность ¹⁾; точно такъ же единичная воля, сама по себѣ, есть абстракція, дурная, отъединенная, непосредственно-личная ограниченность. Истина лежитъ въ ихъ *единствѣ*. Всеобщая воля слагается и состоитъ изъ единичныхъ волей такъ, какъ абсолютная первооснова слагается изъ своихъ живыхъ частей ²⁾. Единичная воля скрываетъ въ себѣ ту всеобщую духовную стихію, которая живетъ „во всѣхъ и въ каждомъ“ ³⁾. Истина лежитъ, какъ всегда, въ *конкретномъ тождествѣ трехъ моментовъ*: *всеобщаго*, какъ начала, поднимающагося надъ каждымъ даннымъ содержаніемъ, все въ себѣ разрѣшающаго и бесконечно рефлектирующаго ⁴⁾; *особеннаго*, какъ начала различающаго, опредѣляющаго и ограничивающаго ⁵⁾; и *единичнаго*, какъ начала, сочетающаго въ себѣ содержательную опредѣленность съ властью бесконечной рефлексіи ⁶⁾. Эти три момента въ сращеніи образуютъ *систему единичныхъ человѣческихъ волей, живущихъ единымъ подъятымъ и ассимилированнымъ, всеобщимъ содержаніемъ*; или, что то же, они образуютъ *единую субстанцію народнаго духа, дифференцировавшую себя и разложившуюся на систему единичныхъ человѣческихъ волей*. Всеобщее входитъ въ единичное, какъ въ свою живую часть, а единичное содержитъ въ себѣ всеобщее, какъ свою живую сущность.

¹⁾ Recht. 38.40. 41.

²⁾ Срв. Mollat. I. 54.

³⁾ Phän. 442. 443.

⁴⁾ Recht. 38.

⁵⁾ Recht. 40.

⁶⁾ Recht. 42.

Задача субъективнаго духа должна быть теперь ясна: ему предстоит осознать и усвоить это истинное положеніе вещей. Субъективно-зрѣлая воля должна „принять“ бытіе множества другихъ людей и вещей такъ, какъ она уже приняла однажды множество своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ состояній; она должна вступить въ творческое, — воспринимающее, чувствующее, алчущее, сознающее и преодолевающее — отношеніе къ нимъ, изжить въ этомъ свои влеченія и проложить себѣ дорогу къ *разумному отождествленію* со своими объектами; познаниемъ и волею должна она выстрадать свое тождество съ другими людьми, чтобы признать *себя въ нихъ и ихъ въ себя*, и всѣхъ вмѣстѣ — *единымъ народнымъ духомъ*; и, наконецъ, она должна творческою ¹⁾ жизнью въ единомъ народномъ духѣ подлинно *усвоить* себѣ его всеобщую волю и его всеобщія цѣли ²⁾ и превратить вещественную обстановку народной жизни въ покорное тѣло народнаго духа. Это и есть путь къ *объективной свободѣ духа*; она достигается только черезъ осознаніе и осуществленіе *всеобщей* воли, какъ „источника всѣхъ единичныхъ волей“ ³⁾.

Такъ возникаетъ ученіе Гегеля о правѣ, морали и нравственности. Всѣ эти ступени объективнаго духа представляютъ изъ себя прежде всего состоянія или модификаціи субъективно-зрѣлой воли, т.-е. разумной, свободной и субъективно-всеобщей. Этимъ и опредѣляется ихъ родовая сущность.

И. А. Ильинъ.

¹⁾ Enc. III. 373 — 374.

²⁾ Enc. III. 359. Recht. 313.

³⁾ „Quelle aller Einzelner“. Ph.-G. 44.